

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ХУАН ГОМЕС-ХУРАДО

КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

Самый читаемый испанский триллер в мире

Хуан Гомес-Хурадо

Красная королева

Серия «Звезды детектива (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64152361
Красная королева / Хуан Гомес-Хурадо: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-123310-5

Аннотация

«Красная королева» Хуана Гомеса-Хурадо – самый читаемый испанский триллер в мире, № 1 в рейтинге лучших психологических триллеров по версии испанского Amazon, более 250 000 проданных экземпляров, более 20 переизданий за один год. Книги Хуана Гомеса-Хурадо переведены более чем на 40 языков.

У Антонии Скотт эйдетическая память. Она помнит все, что читала или слышала. Она никогда не носила значок и не пользовалась оружием, но за свою карьеру раскрыла десятки преступлений.

После того как муж пострадал по ее вине, Антония отошла от дел. Теперь она живет в пустой квартире и питается тем, что приносят соседи. Дважды в день она созванивается с бабушкой, а ночи проводит в больнице.

Но за ней приходят и просят о помощи...

В самом безопасном месте Испании, в элитном районе Мадрида (а если говорить точнее, в элитной части элитного района) найдено тело.

Убитому шестнадцать, он лежит в кресле, в неестественной позе, в руке – бокал, наполненный его собственной кровью, волосы густо смазаны оливковым маслом, а губы растянуты в подобии улыбки.

Антония помнит это – Псалом 23: «...Ведь Ты умастил маслом голову мою – чаша моя полна». Антония слышала его, когда была маленькой. Она помнит, потому что помнит всё.

Как убийца проник в самое охраняемое место Испании? Почему на теле нет следов борьбы, если кровь выпускали медленно и очень болезненно? И почему информацию об этом деле так тщательно охраняют?

Содержание

Прерванный ритуал	7
Часть первая	9
1	9
2	12
3	21
4	28
5	32
6	39
7	46
8	49
9	56
10	61
11	68
Мадрид, 14 июня 2013 года	76
12	86
За четыре часа до этого	91
13	100
За три часа до этого	104
14	113
15	121
16	125
17	132
Часть вторая	140

Конец ознакомительного фрагмента.

Хуан Гомес-Хурадо

Красная королева

Juan Gómez-Jurado

Reina Roja

© Juan Gómez-Jurado, 2018

© Екатерина Ру, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Посвящается Бабс

Прерванный ритуал

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день.

Возможно, для кого-то три минуты – это совсем крошечный период времени.

Но только не для Антонии. Скажем так: в голове у нее немало лошадиных сил, но ум Антонии все же не двигатель спортсмена. Она способна, допустим, на обработку большого количества информации, но голова Антонии – это не компьютер.

Голова Антонии Скотт – это, скорее, джунгли. Джунгли, полные обезьян, которые непрерывно перескакивают с лианы на лиану, хватая разные предметы. Куча обезьян с кучей всяких предметов, и все они встречаются в воздухе и скалятся друг на друга.

Но за эти три минуты, пока Антония с закрытыми глазами и босыми ногами сидит по-турецки на полу, она способна вычислить:

- скорость, с которой ее тело упало бы на землю, если бы она выбросилась из ближайшего окна;
- необходимое количество миллиграммов пропосола, чтобы уснуть вечным сном;
- время и температуру, при которой произошла бы остановка сердца от гипотермии, если бы она нырнула в ледяное

озеро.

Она раздумывает, каким образом достанет такое контролируемое вещество, как пропофол (подкупит одного фельдшера), а также где находится ближайшее замерзшее озеро в это время года (Лагуна Негра, Сория). О падении с высоты своей мансардной квартиры она предпочитает не думать: окошко довольно узкое, а жуткая еда из больничного кафетерия, как ей кажется, тут же откладывается на ее бедрах.

Все три минуты, пока она думает о самоубийстве, – это ее три минуты.

Они священны.

Они помогают ей не сойти с ума.

Поэтому ей совсем, совсем не нравится, когда чьи-то шаги тремя этажами ниже прерывают ее ритуал.

Это явно не кто-то из соседей: она бы узнала походку. И не курьер: сегодня воскресенье.

Как бы то ни было, Антония уверена, что этот кто-то идет за ней.

И это нравится ей еще меньше.

Часть первая

Джон

– В нашей стране, – сказала Алиса, все еще тяжело дыша, – когда бежишь так быстро да еще и так долго, как мы, обязательно куда-нибудь да прибежишь.

– Какая медленная страна! – ответила Королева. – Здесь нужно мчаться со всех ног, чтобы оставаться на том же самом месте. А чтобы попасть в какое-нибудь другое место, нужно мчаться как минимум в два раза быстрее.
Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

1

Задание

Джону Гутьерресу лестница не нравится.

И дело тут не в эстетике. Лестница старинная (здание 1901 года, как указано на входе), ступеньки скрипят, стоптаны по центру – за сто девятнадцать-то лет, – но прочны, ухожены и покрыты лаком.

Света мало, а тридцативаттные лампочки на потолке только сгущают тени. Из-за дверей на этажах доносятся ино-

странные слова, экзотические запахи, диковинная музыка диковинных инструментов. Ну а что ж, здесь район Лавапьес, сейчас вечер воскресенья и близится час ужина.

Не из-за этого Джона раздражает лестница: ему не привыкать бороться с предметами прошлого века (он живет с матерью), с темнотой (он гей) и с иностранными гражданами в сомнительном положении и с сомнительными доходами (он инспектор полиции).

Что действительно бесит Джона в лестнице, так это то, что по ней надо подниматься.

Чертовы старые здания, думает Джон. Негде лифт установить. В Бильбао такое и представить себе нельзя.

Джон не то чтобы толстый. По крайней мере не настолько толстый, чтобы комиссар поставил это ему в укор. У инспектора Гутьерреса туловище напоминает бочонок с прикрепленными к нему руками. А внутри – хоть с виду и не скажешь – мускулы *аррихасоцайле*¹. Подъем 293 килограммов – его личный рекорд, ни много ни мало, и это без особых-то тренировок, так, чисто хобби. Просто чтобы занять субботнее утро. Чтобы коллеги не докапывались из-за того, что он педик. Ведь Бильбао есть Бильбао, а полицейские есть полицейские, и у многих склад ума еще древнее, чем эти гребанные столетние лестницы, которые даются Джону с таким трудом.

¹ Участник национальных баскских соревнований по подъему тяжелых камней. – Здесь и далее примечания переводчика.

Нет, Джон не настолько толстый, чтобы начальник на него ругался, да к тому же у комиссара есть причины и посерьезнее, чтобы разнести его в пух и прах. Разнести и вынести вон со службы. Вообще-то, Джон *официально* отстранен от должности с лишением жалования.

Не такой уж он и толстый, но вот ножки, на которых держится бочонок его туловища, кажутся на контрасте зубочистками. Так что, будучи в здравом уме, вряд ли кто мог бы заподозрить в Джоне особую проворность.

На четвертом этаже Джон обнаруживает чудесное изобретение предков: лестничную площадку. В углу прибитая скромная полукруглая дощечка. Джон плюхается на нее – настоящий рай. Надо восстановить дыхание, надо подготовиться к отнюдь не желанной встрече и поразмышлять над тем, какого черта он так резко оказался по уши в дерьме.

Ну и влип же я в историю, думает он.

Флешбэк

– ...в хреновую историю, инспектор Гутьеррес, – заключает комиссар. Сам красный как рак и пыхтит, будто скороварка.

Бильбао, отделение Национальной Полиции на улице Гордонис; день до того, как Джон должен справиться с лестницей семиэтажного дома в районе Лавапьес города Мадрида. Пока что справляться приходится с серьезными правонарушениями: фальсификацией документов, подменой доказательств, препятствием правосудию и халатностью. И сроком от четырех до шести лет лишения свободы.

– Если прокурор взбесится, может и до десяти лет попросить. И ты их получишь, судья будет только рад. Полицейских-взяточников не любит никто, – говорит комиссар и хлопает ладонью по металлической поверхности стола. Они сидят в комнате допроса, а это такое место, куда никому не хочется попасть в качестве почетного гостя. Инспектору Гутьерресу достался прямо пакет «премиум»: отопление, усиленное до той комфортной температурной отметки, когда давящая жара уже грозит смертью от удушья; плюс яркий свет и пустая бутылка из-под воды в поле зрения.

– Я не взяточник, – говорит Джон, борясь с желанием ослабить галстук. – Я ни разу ни сантима себе в карман не

положил.

– А кого это на хер волнует? Ты вообще о чем думал?

А думал Джон о Дезире Гомес. Дезире, она же Деси, она же Брильос. Деси неполных девятнадцать лет, и три из них она провела на улице. Она там и бодрствует, и спит, и прорастает всей своей сущностью. *Салонная куколка, змеиные стринги*². И вроде бы ничего в ней такого особенного. Но некоторые из этих девушек почему-то западают тебе в сердце, и внезапно все становится песней Хоакина Сабины. Ничего серьезного. Улыбка, приглашение на кофе в шесть часов (не утра). И вот уже ты переживаешь, что ее поколачивает сутенер. И ты говоришь ему, чтобы прекратил. А он не прекращает, потому что у него в мозгах, как и в зубном ряду, деталек не хватает. И вот она тебе плачется и ты распаляешься. И прежде чем успеваешь хоть что-то сообразить, подбрасываешь ему в машину полторы четверти герыча. Достаточно, чтобы ему дали от шести до девяти лет.

– Ни о чем я не думал, – отвечает Джон.

Комиссар проводит рукой по лицу, словно пытаюсь стереть свое недоверчивое выражение. Не получается.

– И ладно еще, если бы она тебе нравилась, Гутьеррес. Но ведь ты у нас не по женщинам, разве не так? Или сейчас ты уже на оба фронта?

Джон качает головой.

² Цитата из песни современного испанского рок-певца Хоакина Сабины «Tiramisu de limón».

– А каков был план, – иронизирует комиссар. – Убрать этого уличного отморозка – охрененная идея. Триста семьдесят пять граммов героина – билет в колонию строгого режима. Без смягчающих обстоятельств, безо всяких историй. Без долгих процедур.

План был отличный. Проблема лишь в том, что Джон считал его настолько хорошим, что решил рассказать о нем Деси. Чтобы она знала, что этот ее фингал под глазом, и синяки, и сломанное ребро – все это в последний раз. А Деси, будучи под кайфом, возьми да и пожалей своего бедняжку-сутенера. И все ему рассказала. И сутенер велел Деси спрятаться за углом и снимать все на телефон. А видео продали Шестому каналу за триста евро – нате, заберите – на следующий день после задержания сутенера за наркотрафик. И узел затянулся. Новость появилась на первых полосах всех газет, видео – во всех информационных выпусках.

– Я не знал, что меня снимают, комиссар, – смущенно говорит Джон. Почесывает голову, вытягивая рыжие завитушки. Пощипывает густую бороду, дергая за седые волосы.

И вспоминает.

Руки у Деси жутко дрожали, и кадр получился никудышным, но все необходимое она сумела заснять. И ее кукольное личико потом очень хорошо смотрелось в телевизоре. Она бы «Оскара» могла получить за роль девушки невинного бедняги, оклеветанного полицией. А что до сутенера, то его ни в дневных, ни в вечерних передачах не показали в

привычном обличье – в майке-алкоголичке, с коричневыми зубами. Нет, они выставили его фотографию десятилетней давности с первого причастия, еще не переваренного. Прямо сбитый с пути ангелочек, во всем виновато общество и прочая чушь.

– Ты опустил репутацию нашего комиссариата ниже плинтуса, Гутьеррес. Надо же быть таким дебилом. Наивным дебилом. Ты правда ни о чем не догадывался?

Джон снова качает головой.

Он обо всем узнал, когда получил видео по «Ватсапу» между мемами. Не прошло и двух часов, как оно уже разлетелось по всей стране. Джон сразу явился в комиссариат, где прокурор уже громко требовал его голову с яйцами на гарнир.

– Я сожалею, комиссар.

– Ты сейчас еще больше будешь сожалеть.

Комиссар, сопя, поднимается и выходит из помещения – прямо не может усидеть на месте из-за праведного негодования. Сам-то он, конечно, никогда не подменял улики, не обходил уголовный кодекс, не жульничал по мелочам. Так предполагается. Ведь ему-то хватило ума не попасться.

Джона оставили повариться в собственном соку. У него забрали часы и телефон – стандартный прием, чтобы он потерял ощущение времени. Остальные его личные вещи запечатаны в конверт. Занять себя нечем, время тянется медленно, и остается только мысленно карать себя за тупость. Об-

щественность его уже осудила, так что вопрос теперь лишь в том, сколько лет ему придется гнить в Басаури³. Там, где его уже поджидают дружбаны – трое на одного – со стиснутыми кулаками и желанием расправиться с полицейским, упекшим их за решетку. А может, его отправят подальше отсюда, чтобы защитить: куда-нибудь, где маменька не сможет его навещать. И приносить ему по воскресеньям свои знаменитые кокочас⁴ в контейнере. Девять лет, пятьдесят воскресений в год, получается четыреста пятьдесят воскресений без кокочас. Плюс-минус. Это как-то чересчур жестоко. А ведь его маменька уже пожилая. Она родила его в двадцать семь, практически невинной, как Бог велит. А сейчас ему уже сорок три, а ей семьдесят. Когда Джон выйдет из тюрьмы, некому уже будет готовить ему кокочас. А может, она вообще сразу умрет от ужаса, когда обо всем узнает. Растреплет ей эта шельма с третьего этажа, болтливая курица, и разразится гром.

Проходит пять часов, а Джону кажется, что все пятьдесят. Ему никогда еще не доводилось долго сидеть на одном месте, так что будущая жизнь за решеткой просто не укладывается в голове. О самоубийстве он не помышляет: Джон ценит жизнь превыше всего, будучи неисправимым оптимистом. Он один из тех, над которыми Бог охотно потешается, высыпав им на голову тонну кирпичей. Но только совсем

³ Населенный пункт, в котором находится тюрьма (рядом с городом Бильбао).

⁴ Традиционное баскское блюдо из рыбы.

неясно, как теперь выбираться из петли, которую он сам же себе на шею и накинул.

Джон сидит, погрузившись в эти мрачные раздумья, когда дверь вдруг открывается. Он ожидает вновь увидеть комиссара, но вместо него заходит высокий худой человек. Лет сорока, смуглый, с залысинами на висках, тонкими усиками и кукольными глазами, которые кажутся скорее нарисованными, чем живыми. В костюме. С портфелем. Все дорогое.

Улыбается. Плохой знак.

– Вы прокурор? – удивленно спрашивает Джон.

Они никогда раньше не виделись, и при этом незнакомец держится так, словно домой к себе пришел. Со скрежетом двигает металлический стул по бетонному полу и садится по другую сторону стола, все так же улыбаясь. Достает из портфеля какие-то бумаги и принимается их изучать, словно Джона тут и нет вовсе.

– Я спрашиваю, прокурор ли вы, – настаивает Джон.

– Хм... Нет. Не прокурор.

– Значит, адвокат?

Незнакомец на это фыркает – не то его обидели, не то рассмешили.

– Адвокат. Нет, я не адвокат. Можете называть меня Мен-тор.

– Ментор? Это имя или фамилия?

Незнакомец продолжает рассматривать свои бумаги, даже взгляда не поднимает.

– Ситуация ваша весьма плачевна, инспектор Гутьеррес. Начнем с того, что вас отстранили от должности с лишением жалования. И к тому же вам тут предъявлены кое-какие обвинения. А теперь перейдем к хорошим новостям.

– У вас есть волшебная палочка, чтобы все стало как прежде?

– Что-то в этом роде. Вы работаете в полиции больше двадцати лет. Задержали многих преступников. Несколько жалоб из-за несоблюдения субординации. Недостаточное уважение к власти. Предпочитаете выбирать прямые пути.

– Не всегда возможно досконально следовать правилам. Ментор невозмутимо кладет бумаги обратно в портфель.

– Вы любите футбол, инспектор?

Джон пожимает плечами.

– Иногда могу посмотреть матч «Атлетик». Без особого энтузиазма. Просто «Атлетик» есть «Атлетик».

– Вы когда-нибудь смотрели итальянский футбол? У итальянцев есть такая установка: *второго никто не помнит*. Им не так важно, *как* выиграть, главное – выиграть. Ничего нет позорного в том, чтобы симуляцией заработать пенальти. Незаметно пнуть противника – тоже часть игры. Один ученый назвал эту философию *говнизмом*.

– Какой ученый?

Теперь уже Ментор пожимает плечами:

– Вот вы *говнист*, судя по вашим последним деяниям, связанным с багажником сутенера. Ясно же, что вы не хотели,

чтобы арбитр это увидел, инспектор Гутьеррес. И уж тем более, чтобы повтор момента оказался в социальных сетях с хэштегом #ПолицейскийПроизвол.

– Послушайте, Ментор, или как вас там, – говорит Джон, кладя свои огромные ручки на стол. – Я устал. Моя карьера катится ко всем чертям, а моя мама, наверное, сейчас с ума сходит от волнения, потому что я не пришел домой ужинать, и у меня еще не было возможности сообщить ей, что ближайшие несколько лет мы не увидимся. Так что либо переходите к делу, либо валите на хер отсюда.

– Я предлагаю вам договор. Вы сделаете то, что я вам скажу, а я за это вытащу вас из этой... как там выразился ваш начальник? Из этой хреновой истории.

– Вы пойдете говорить с прокуратурой? Со СМИ? Ладно вам. Я не вчера родился.

– Понимаю, что непросто поверить незнакомцу. Наверняка у вас есть кто-нибудь получше, к кому вы могли бы обратиться.

У Джона нет никого получше, к кому обратиться. Ни лучше, ни хуже. За пять часов он это осознал.

И он сдается:

– И что же вы хотите?

– Я хочу, инспектор Гутьеррес, чтобы вы наведались к одной моей старой подруге. И позвали ее потанцевать.

Джон взрывается хохотом, впрочем, без малейшей тени веселья.

– Послушайте, боюсь, вас плохо проинформировали относительно моих предпочтений. Не думаю, что вашей подруге понравится со мной танцевать.

Ментор снова улыбается. От этой новой улыбки до ушей становится еще тревожнее.

– Разумеется, нет, инспектор. Я на это и рассчитываю.

3

Танцы

Так что Джон Гутьеррес принимается за последний лестничный пролет дома номер 7 улицы Меланхолии (район Лавальес, Мадрид) в весьма мрачном настроении. Комиссар тоже не захотел ничего объяснять, когда Джон спросил его насчет Ментора:

– Откуда, черт побери, он взялся? Из НЦР⁵? Из МИДа? Из команды «Мстителей»?

– Делай, что тебе говорят, и не спрашивай.

Джон по-прежнему отстранен от должности с лишением жалованья, однако дело против него приостановлено. Видео, на котором он подбрасывает герыч в сутенерскую машину, раз – и испарилось как с экранов, так и из газет.

Все произошло в точности так, как и обещал Ментор, – при условии согласия на его странное предложение.

Люди все еще обсуждают тему в социальных сетях, но Джона это мало волнует. Это всего лишь вопрос времени: пока гиены «Твиттера» не найдут себе другую падаль, чтобы обгрызть до костей.

Тем не менее инспектор Гутьеррес тяжело дышит, а сердце у него сжимается. И дело тут не только в лестнице. Про-

⁵ Национальный разведывательный центр Испании.

сто Ментору недостаточно того, чтобы Джон познакомился с его *подругой* Антонией Скотт. В обмен на помощь он потребовал еще кое-что. И, судя по сжатым пояснениям Ментора, эта вторая часть задания будет самой сложной.

На последнем этаже он оказывается перед дверью в квартиру.

Дверь зеленая. Древняя до жути. С облупившейся краской.

Открыта. Настежь.

– Есть кто дома?

Джон осторожно заходит внутрь. В прихожей пусто. Ни мебели, ни вешалок, ни даже пепельницы со скидочным купоном из магазина *Carrefour*. Ничего, кроме кучи контейнеров с засохшими остатками пищи. От них пахнет карри, кускусом и специями других шести-семи стран. Все те же самые запахи, что исходили от квартир на других этажах, пока Джон поднимался по лестнице.

За прихожей начинается коридор – тоже пустой. Ни картин, ни стеллажей. По одну сторону две двери, по другую одна и еще одна в глубине. Все открыты.

Первая дверь ведет в ванную. Джон заглядывает внутрь и видит только зубную щетку «Колгейт» с клубничным вкусом, кусок мыла. Флакон геля для душа. Полдюжины тюбиков антицеллюлитного крема.

Ого, так она, значит, верит в магию, думает Джон.

Справа только спальня. Пустая. Встроенный шкаф от-

крыт, внутри виднеется несколько вешалок. В основном без вещей.

Джон недоумевает – что же за человек тут живет с такой-то жалкой горсткой вещей. А вдруг она куда-то уехала? А вдруг он пришел слишком поздно?

Дальше налево – крохотная кухня. Гора посуды. Столешница белеет океаном кварца. Грязная десертная ложка потерялась на полпути к раковине.

В глубине коридора гостиная. С мансардным окном. Стены кирпичные, балки из темного дерева. Тусклые лучи пробиваются сквозь потолочные световые люки между ними. И сквозь окно.

Снаружи садится солнце.

А внутри – посреди комнаты – сидит на полу Антония Скотт в позе лотоса. Лет тридцать с лишним. На ней черные штаны и белая футболка. Ноги босые. Перед ней лежит айпад, подключенный к розетке очень длинным проводом.

– Ты мне помешал, – говорит Антония. Поворачивает айпад, кладет его экраном на потертый паркет. – Ты очень плохо воспитан.

Джон один из тех, кто, обидевшись, моментально переходит в контратаку. В превентивном порядке. Из спортивного интереса. Чтобы показать другим, что он парень не промах.

– А ты всегда оставляешь дверь открытой? Разве не знаешь, в каком районе живешь? А если маньяк-насильник придет?

Антония на это моргает в замешательстве. С сарказмом ей справиться непросто.

– Ты не маньяк-насильник. Ты полицейский. Баск.

То, что он баск – кто угодно поймет по его акценту, тут Джона не провести. Но вот то, что она угадала род его занятий, – удивительно.

Обычно от полицейских прямо несет полицией. А Джон, которому не нужно платить за квартиру и который тратит все деньги на одежду, скорее напоминает директора по маркетингу в своем костюмчике-тройке индивидуального пошива из тонкой шерсти и итальянских ботинках.

– Откуда ты знаешь, что я полицейский? – спрашивает Джон, прислоняясь к дверному косяку.

Антония указывает на левую сторону его пиджака. Хоть портной и старался обеспечить незаметное ношение оружия, ничего у него не получилось. Да и режим питания Джона не слишком-то помог.

– Я инспектор Гутьеррес, – соглашается Джон. Он уже собирается протянуть ей руку, но вовремя сдерживается. Его предупреждали, что этой женщине не нравится физический контакт.

– Тебя прислал Ментор, – говорит Антония.

И это не вопрос.

– Он тебя предупредил о моем визите?

– Я это и так поняла. По другой причине сюда никто не приходит.

– Твои соседи приходят, приносят тебе еду. Должно быть, они очень тебя ценят.

Антония пожимает плечами.

– Это здание принадлежит мне. Ну, то есть моему мужу. Еда – это плата, которую я беру с них за жилье.

Джон прикидывает. Пять жилых этажей, три квартиры на этаж, тысяча евро с квартиры.

– Да уж. Недешевый получается кускус. Надеюсь, хоть вкусный – за такую-то цену.

– Я не люблю готовить, – с улыбкой говорит Антония.

И в этот момент Джон замечает, что она очень симпатичная. *Не то чтобы ослепительная красавица, нет.* На первый взгляд лицо Антонии кажется неприметным как чистый лист. Да и черные прямые волосы средней длины не очень-то ее выделяют. Но стоит ей улыбнуться, и ее лицо озаряется, словно новогодняя елка. И ты вдруг обнаруживаешь, что ее глаза на самом деле не карие, как тебе казалось, а оливково-зеленые; и что на щеках и подбородке у нее появляются ямочки, образуя идеальный треугольник.

Но вот она снова серьезна – и эффект исчезает.

– А теперь уходи, – говорит Антония и резко взмахивает рукой в сторону Джона.

– Не уйду, пока ты меня не выслушаешь, – отвечает инспектор.

– Ты что, думаешь, ты первый, кого сюда прислал Мен-тор? До тебя было еще трое. Последний приходил всего пол-

года назад. И всем я отвечаю одно и то же: мне неинтересно.

Джон почесывает голову, по привычке вытягивая свои рыжие завитушки, и делает глубокий вдох на несколько секунд. Чтобы наполнить это огромное туловище, требуется изрядное количество воздуха. На самом деле Джон просто пытается выиграть время, потому как понятия не имеет, что говорить этой странной и замкнутой женщине, с которой он познакомился три минуты назад. А указание Ментора было следующим: *сделай так, чтобы она села в машину. Обещай, что хочешь, ври, угрожай, задобри ее. Но сделай так, чтобы она села в машину.*

Чтобы она села в машину. А что должно быть *потом* – неизвестно. И эта мысль не дает ему покоя.

Что же это за баба, почему она такая важная персона?

– Если бы я знал, принес бы тебе кускус. Что случилось? Ты работала в полиции?

Антония недовольно цокает языком.

– Он тебе ничего не сказал, не так ли? Ничего не объяснил. Велел тебе усадить меня в машину, не уточнив, куда мы поедем. И все это ради очередного дурацкого задания. Нет уж, спасибо. Мне и так хорошо.

Джон широким жестом обводит пустую комнату и голые стены.

– Оно и видно. Кто же не мечтает спать на полу.

Антония слегка съеживается и прикрывает глаза.

– Я не сплю на полу. Я сплю в больнице, – выдает она.

Я нащупал больное место, думает Джон. А когда ей больно, она говорит.

– А что с тобой? То есть нет, не с тобой. Видимо, что-то с твоим мужем, да?

– Это не твое дело.

Детали вдруг начинают складываться воедино, и Джон уже не может остановиться.

– С ним что-то случилось, он болен, и ты хочешь быть с ним. Это можно понять. Но поставь себя на мое место. Мне велено уговорить тебя сесть в машину, Антония. Если ничего не получится, для меня это чревато последствиями.

– Не моя проблема, – голос Антонии становится ледяным. – Меня не волнует, что будет с толстым некомпетентным полицейским, который настолько облажался, что его отравили за мной. А теперь убирайся. И передай Ментору, чтобы прекратил свои попытки.

Инспектор Гутьеррес с каменным лицом делает шаг назад. Без понятия, что еще можно сказать этой сумасбродке. Он проклинает себя за то, что ввязался в это дело и потерял кучу времени. Остается лишь вернуться в Бильбао, встретиться с комиссаром и расплатиться за свою тупость.

– Ладно, – говорит Джон, прежде чем повернуться и, поджав хвост, уковылять в коридор. – Но он просил тебе передать, что в этот раз все иначе. В этот раз без тебя не обойтись.

Видеозвонок

Антония Скотт смотрит, как огромная спина инспектора Гутьерреса исчезает в коридоре. Считает удаляющиеся шаги – медленные и тяжелые. Досчитав до тринадцати, переворачивает айпад.

– Теперь мы можем поговорить, бабушка.

На экране видна старушка с добрыми глазами и пышной прической. Лицо ее настолько морщинистое, что борозд на нем не меньше, чем на виноградном поле Ла-Риохи. И старушка сейчас как раз опустошает бокал вина.

– Почему ты мне позвонила? Ведь десяти еще нет.

– Я позвонила, когда услышала, что он поднимается. Я хотела, чтобы ты была здесь, а то мало ли что.

Они говорят на английском. Джорджина Скотт живет в Чедворте, на окраине Глостера, в крошечной английской деревушке, где время остановилось несколько веков назад. Городок с почтовой открытки. Римская вилла. Стены, покрытые мхом. И высокоскоростной интернет, благодаря которому бабушка Скотт разговаривает с Антонией два раза в день.

– Мне показалось, что он красив. У него был голос красивого мужчины, – говорит бабушка.

Ей очень хочется, чтобы ее внучка выбралась из своей паутины.

– Он гей, бабушка.

– Глупости, милая. Стоит лишь ему прикоснуться к тебе, и он уже не гей. Я в свое время вылечила нескольких таких.

Антония закатывает глаза. Бабушка Скотт твердо убеждена, что «политкорректность» – это про Уинстона Черчилля.

– Бабушка, ну ты и скажешь...

– Мне девяносто три года, милая, – говорит в свое оправдание старушка и наливает себе еще вина.

– Ментор хочет, чтобы я вернулась на работу.

Струя бордо слегка подрагивает, и несколько капель проливаются на стол. Невероятно. Бабушка Скотт едва способна расписаться, не выходя за края страницы, но когда дело доходит до наливания вина, рука ее тверда, как у пластического хирурга.

– Но ты этого не хочешь, не так ли? – спрашивает бабушка. Голос прямо как у невинной овечки, за которой почти не разглядеть волка.

– Ты же знаешь, что нет, – отвечает Антония. Ей не хочется снова затевать спор.

– Конечно, дорогая.

– Из-за меня Маркос уже три года лежит в больнице. Из-за меня и из-за этой работы.

– Нет, Антония, – возражает бабушка, понизив голос. – Не из-за тебя. А из-за того ублюдка, который нажал на курок.

– И которого я не сумела остановить.

– Пусть я просто выжившая из ума старуха, – говорит ба-

бушка (волк уже начинает показывать зубы), – но мне кажется, что раз уж ты себя обвиняешь в грехе бездействия, то это должно относиться и к твоему безвылазному сидению дома.

На секунду Антония замолкает. Этого хватает для того, чтобы обезьяны у нее в голове активизировались и стали отчаянно пытаться выбраться из западни.

– Почему ты так со мной, бабушка? – возмущается она.

– Потому что мне надоело смотреть, как ты гниешь там в одиночестве. Потому что не используешь свой дар. Но прежде всего я говорю это из чистого эгоизма.

– Из эгоизма? Ты, бабушка? – удивляется Антония.

В девятнадцать лет Джорджина Скотт записалась добровольцем в качестве медсестры и высадилась в Нормандии спустя семьдесят часов после Дня «Д» – в огромной каске, сползающей на брови, и в обнимку с картонным чемоданчиком, набитым ампулами морфина. Нацисты в двух шагах – а она без устали отрезает ноги, зашивает раны, колет обезболивающее.

Антония и вообразить себе не может, что ее бабушке свойственна хоть капля эгоизма.

– Из эгоизма, именно. Ты стала ужасно скучной. Сидишь взаперти все дни напролет, про ночи вообще молчу. Я скучаю по тому времени, когда ты работала. И все мне рассказывала. Что мне еще остается в жизни? Вот это, – говорит бабушка, поднимая бокал. – И ты. А вино мне уже не приносит такого удовольствия, как раньше.

Антония прыскает со смеху. И при этом-то бабушка говорит, что у воды только два предназначения: для купания и для варки морепродуктов. Но Антония понимает, куда идет этот разговор. После того, что произошло,

после того, что ты сделала

мир продолжил вращаться вокруг своей оси. Но уже, конечно, без нее. В этом мире ей больше нет места. В этом мире – признает она скрепя сердце – просто тянутся бесконечной вереницей дни, наполненные виной и скукой.

– Возможно, ты и права, – говорит Антония после секундной паузы. – Возможно, мне пойдет на пользу занять чем-то голову. Но только на этот вечер.

Бабушка отпивает еще немного вина и изображает ангельскую улыбку – словно из рекламы леденцов.

– Только на этот вечер, милая. Что ж тут может быть плохого?

Два вопроса

Джон спускается по лестнице почти так же медленно, как и поднимался. Ситуация непривычная. При иных обстоятельствах он бы взял свое на спуске, разогнался бы со всей дури, пользуясь значительной массой своего тела (он, конечно, не то чтобы толстый). Но теперь, после проваленного задания – такого абсурдного и такого обманчиво простого, – ему неясно, что делать дальше, и нерешительность замедляет его шаги.

Когда он оказывается на четвертом этаже, рядом с лестничной площадкой, у него звонит телефон. Джон садится, чтобы ответить на вызов. Он никогда не разговаривает на ходу, дабы не было слышно его тяжелого прерывистого дыхания.

Номер неизвестный, однако Джон уже знает, кто звонит.

– Она сказала нет, – говорит он, едва сняв трубку.

На том конце провода Ментор недовольно фыркает.

– Вы меня разочаровали, инспектор Гутьеррес.

– Не знаю, на что вы рассчитывали. Эта женщина с головой не дружит. Живет в пустой квартире, вообще без мебели. Соседи ее кормят из жалости. И еще она что-то несет про больного мужа.

– Ее муж в больнице. Он в коме уже три года. Скотт ви-

нит во всем себя. Это можно бы было использовать, чтобы подтолкнуть ее к действию, но лучше не стоит. В следующий раз, когда будете с ней разговаривать...

– Что, простите? Послушайте, я уже выполнил свою часть договора и передал ей то, что вы просили. Так что теперь извольте выполнить свою.

Ментор вздыхает. Вдох глубокий, полный драматизма.

– Если хотеть все время шоколадных тортиков, инспектор, то и растолстеть недолго. Выкручивайтесь, как можете, но нам нужно, чтобы она оказалась в машине прямо сейчас.

Джон кидает монетку в игровой автомат.

– Если бы еще вы оставили всю эту секретность и рассказали мне, что замышляете...

На другом конце провода молчание, долгое молчание. Джону прямо слышно, как крутятся барабаны внутри игровой машины.

– Вы должны понимать, что все это конфиденциально. И для вас это может быть чревато серьезными последствиями.

– Разумеется.

И тут, вопреки ожиданиям, выпадают три картинки с клубничками.

– Я хочу, чтобы Антония помогла мне в одном очень сложном деле. Сейчас я вам все разъясню.

И Ментор начинает рассказывать инспектору Гутьерресу. Рассказ занимает меньше минуты, но этого достаточно. Джон сначала слушает его со скептическим настроением, а за-

тем просто не верит своим ушам. Сам того не замечая, он поднимается с места. И, вопреки своей прочно укоренившейся привычке, принимается машинально наматывать круги.

– Понял. Вы хотя бы скажете мне, на кого работаете?

– Это сейчас неважно. Когда придет время, я скажу то, что вам нужно знать. А пока что единственная ваша забота – это доставить Антонию Скотт по адресу, который я только что отправил вам на мобильный.

Джон чувствует ухом вибрацию телефона.

– Почему Скотт так необходима? Я уверен, что в отделе анализа поведения найдется шесть-семь экспертов криминалистики, которые могли бы...

– Найдется, – перебивает его Ментор. – Но они – не Антония Скотт.

– Что же такого прямо охеренно особенного в этой сеньоре? Может, она Кларисса Старлинг, а я не врубился? – не унимается Джон. Он уже начинает выходить из себя.

Ментор покашливает, словно прочищая горло. Отвечает как будто через силу. Упрямится. Создается впечатление, что ему не хочется делиться тем, что он собирается сказать. И так оно и есть.

– Инспектор Гутьеррес... Эта сеньора, как вы ее назвали, не из полиции и не из криминалистической службы. Она никогда не держала в руках оружия, не носила значков, и тем не менее она спасла десятки жизней.

– Каким образом?

– Я бы сказал, но не хочу портить вам сюрприз. Так что пусть она сядет в машину и приступит к работе. Прямо сейчас.

Ментор вешает трубку. Джон уже собирается повернуться и снова начать подъем, но тут раздается голос.

– Инспектор.

Джон перегибается через перила. Три этажами ниже, в полумраке стоит Антония и машет ему рукой.

Эта женщина просто ведьма, колдунья, черт бы ее побрал! думает Джон. Он частенько ругается про себя, а иногда и вслух.

Когда Джон до нее добирается, она встречает его улыбкой.

– Я задам тебе два вопроса. Если ответы меня устроят – поеду вместе с тобой.

– Что?...

Антония поднимает один палец. Она едва доходит Джону до груди, роста в ней не больше ста шестидесяти сантиметров, да и то с учетом обуви. Но при этом она кажется внушительной. Теперь, на близком расстоянии, Джон замечает у нее на шее несколько шрамов, похожих на крупные ссадины. Шрамы давние. Под футболкой их почти не видно.

– Вопрос первый. Что ты сделал? Я знаю, что ты очень облажался. Ментор выбирает тех, кому не остается другого выбора. По его абсурдной теории, никто не станет работать со мной добровольно.

– И правда, абсурдная теория, – отвечает Джон.

Сарказм скользит по Антонии, словно дождь по новенькой водонепроницаемой куртке GoreTex. Она просто выжидающе смотрит, оттягивая плечевой ремень своей сумки-почтальонки, перекрещенный на груди. Джону ничего не остается, кроме как ответить.

– Я... подкинул одному сутенеру триста семьдесят пять граммов героина в багажник.

– Это плохо.

– Этот подонок избивает одну из своих девушек. Он ее когда-нибудь убьет.

– Это тоже плохо.

– Я знаю. Но я не жалею о сделанном. Я жалею, что попался. Я ужасно сглупил и все рассказал этой проститутке, а она все записала на видео. Поднялась шумиха. И я могу сесть в тюрьму.

Антония соглашается:

– У тебя однозначно проблемы.

– Ты однозначно очень проницательна. А второй вопрос?

– Подобные нарушения для тебя в порядке вещей? Мешают ли они твоей работе и сказываются ли отрицательно на твоём мышлении?

– Конечно. Я при каждом удобном случае стараюсь подкидывать ложные улики, врать, бить свидетелей, подкупать судей, чтобы добиться обвинительного приговора. А как, ты думаешь, я стал инспектором?

Антония аж замерла. Однако что-то в голосе Джона наводит ее на мысль, что, возможно, значение его слов не стоит воспринимать буквально.

– Я задам тебе вопрос в более простой форме. Ты хороший полицейский?

Джон игнорирует ее оскорбление. Потому что вопрос слишком важный. По сути – самый важный.

– Хороший ли я полицейский?

Он и сам не раз себя об этом спрашивал, с тех пор как закрутилась вся эта история. И глупая ошибка, которую он совершил, не позволяла ему до этого момента ответить правдиво.

– Да, хороший. Я офигенный полицейский.

Антония изучает его не моргая. У нее в глазах гири, весы, измерительные рулетки. Джон чувствует, что его оценивают, и так оно и есть.

– Хорошо, – заключает она. – Я с тобой сегодня поеду. А потом вы оставите меня в покое.

– Подожди-ка. Сейчас мой черед задать тебе вопрос. Каким чертовым образом ты спустилась, и почему я тебя не увидел?

Она указывает за спину.

– За этой дверью есть лифт.

Джон, открыв рот, смотрит на дверь, за которую не додумался заглянуть. *Ну ее почти не видно.* Тем более при свете этих дрянных лампочек. Опомившись, он бросается вдо-

гонку за Антонией, которая уже направляется к выходу.

– Надеюсь, что не потрачу время впустую. Раз уж я иду на это еще один раз, надеюсь, что оно того стоит.

– Что оно того стоит?

– Что будет интересно.

Джон про себя улыбается, вспоминая все то, что Ментор рассказал ему по телефону. *Интересно, говоришь?*

– Эх, красotka. Да ты обалдеешь.

Поездка

Антония улыбается, увидев, что за машина их ожидает (три колеса на тротуаре – такова привилегия полицейских). Огромная «Ауди А8». Черный металлик, тонированные стекла, литые диски, сто с лишним тысяч евро. Джона никогда особо не интересовали дорогие машины (у него самого электрический «приус», чтобы не отставать от *миллиалов*), но эту улыбку он понимает.

– Тебе нравится машина, которую мне одолжил твой друг Ментор?

Антония кивает.

Пользуясь моментом, Джон потряхивает перед ней ключами – словно погремушкой перед младенцем. Чего ему меньше всего хочется после изнурительной поездки из Бильбао, так это снова сесть за руль машины, даже такой, как эта, – более просторной, чем гостиная его маменьки.

– Хочешь повести?

Антония качает головой.

Вот и весь их разговор за целую поездку. И вовсе не потому, что инспектор Гутьеррес не прилагает усилий. Как же, он то и дело пытается выведать у нее информацию, задавая невинные, на первый взгляд, вопросы. Но Антония на это не клюет, черт возьми, сидит себе молча, закрыв глаза и прижав

голову к стеклу.

Прямо как детишки: посадишь их в машину – так они сразу и засыпают, думает Джон. Все свои знания о детях он почерпнул из сериала «Американская семейка».

Спустя двадцать минут «ауди» мягко притормаживает в том самом месте, которое Ментор указал по «Ватсапу». Антония распрямляется.

– Уже добрались?

– Почти.

Впереди шлагбаум. Из будки появляются двое охранников и подходят к машине с обеих сторон. Резкий поток света выхватывает из темноты уставшие глаза Джона и заспанное лицо Антонии.

– Дорогие мои, не могли бы вы фонарик опустить? – говорит Джон, протягивая через окно свой полицейский значок.

Охранник подходит ближе. Лицо его почти неразличимо в темноте, да и фуражка надвинута до самых бровей, однако Джон чувствует, что он очень нервничает. Значок он разглядывает внимательно, но в руки так и не берет. Спустя несколько секунд жестом показывает своему напарнику, чтобы тот поднял шлагбаум.

– Можете проезжать.

– Вы были тут позапрошлым вечером?

Пауза.

– Нет, у меня был выходной.

Врет, либо что-то скрывает, подозревает Джон.

– А ваш напарник?

– Здесь никто ничего не видел. Езжайте прямо, до второго кругового перекрестка, а там направо и до конца.

Джон предпочитает не настаивать и трогается с места – шлагбаум уже поднят. Ксеноновые фары освещают отшлифованную стальную табличку с названием места:

ЛА-ФИНКА

Проехав пару сотен метров по этим ухоженным, аккуратным частным улицам, Джон понимает, что от Лавапьеса они отделились на расстояние в несколько миров.

Последнее место на земле, где можно носить розовое поло, не будучи при этом торговым представителем Evax⁶.

Поначалу вдоль дороги видны плотно стоящие друг к другу таунхаусы, но постепенно расстояния между ними увеличиваются, на смену им появляются дизайнерские коттеджи, чем дальше, тем все более массивные и дорогие. Их окна кажутся теплыми островками света в море темноты.

– Тут написано про это место. Район премиум класса для миллионеров, ревностно оберегающих свою частную жизнь, – говорит Антония. Она достала из сумки айпад и теперь ищет информацию в интернете. – Бизнесмены, футболисты. Цена на недвижимость доходит до двадцати миллионов евро. Говорят, это самое безопасное место в Европе.

У Джона осталось смутное воспоминание об одном теле-

⁶ Фирма, производящая женские гигиенические прокладки.

репортаже про Ла-Финку. Половина состава «Реал Мадрид» живет в этом макете рая в масштабе 1: 1. Хотя в репортаже ничего особенного не показали: те же прилизанные ярко освещенные улицы, по которым они сейчас едут. Разве что ночью у этого приватного рая несколько зловещая атмосфера.

– Не уверен, что здесь так уж безопасно, как считают, – говорит Джон, вспоминая о телефонном разговоре с Ментором.

Он ведет медленно, внимательно вглядываясь сквозь открытые автомобильные окна и пытаюсь понять, что же это за мир, в который они проникли. Вокруг не видно ни души. С безупречных газонов доносится лишь стрекотание сверчков, и ветер слегка волнует гладь искусственного озера, когда Джон на втором круговом перекрестке поворачивает направо – согласно указаниям охранника. Здесь на их пути оказывается еще один шлагбаум, который мгновенно опускается, едва они проезжают.

Видимо, что-то вроде зоны VIP внутри района VIP, думает Джон.

В этой зоне расстояния между подъездными дорогами увеличиваются. Уличные фонари, освещающие тротуары, становятся все более редкими, а стены и ворота, ограничивающие доступ к домам, – все более высокими. Проехав полкилометра от шлагбаума, Джон уже различает конец дороги. Впереди, перед воротами последнего дома, поперек улицы

стоит черная «Ауди А8» – в точности такая же, как та, что ведет Джон.

– Для вас тут подарочек, – говорит Джон, паркуясь рядом с бордюром.

Ментор стоит, прислонившись к машине, и с наигранным нетерпением смотрит на часы. На нем тот же костюм, что и накануне, но рубашка свежая и выглаженная. И тем не менее ничто не может скрыть ни пепельной серости его усталого лица, освещенного фарами, ни остекленелости его кукольных глаз.

Джон заглушает двигатель и выходит из машины. Антония не следует его примеру.

– Хорошая работа, инспектор Гутьеррес, – говорит Ментор, не сдвинувшись с места.

Джон подходит к нему ближе и кивает в сторону Антонии. Миссия выполнена.

– Вот вам ваш талисман. Мы в расчете.

– Если смотреть с чисто формальной точки зрения, – покашливая, отвечает Ментор, – то да, мы с вами действительно в расчете. Но я предполагаю, что ваше профессиональное любопытство умоляет вас разобраться, в чем же тут дело, не так ли? И ни ваш начальник комиссар, ни я не хотим, чтобы это любопытство осталось неудовлетворенным.

Джон раздраженно фыркает, мысленно проклиная себя за тупость. Этот мерзавец и не думал так просто оставить его в покое. Можно было догадаться.

– Вы говорили, что все, что от меня требуется, – это посадить ее в машину. Из всех тех, кто подвергся вашему шантажу, я первый сумел достучаться до этой женщины.

– Вот поэтому-то я и не могу отпустить вас домой, инспектор, – объясняет ему Ментор. При этом отчетливо произносит каждый слог, словно его довод для изменения условий договора очевиден, как прыщик на носу.

– Она мне обещала, что этим вечером поработает вместе с вами. А потом вернется домой. После этого вечера я вряд ли могу быть вам чем-то полезен.

Ментор пожимает плечами.

– Мое чутье подсказывает, что, когда Скотт увидит то, что там внутри, она захочет продолжения. И я хочу, чтобы вы заботились о ней, пока она будет в процессе работы. У нее самой это не слишком получается.

– Это я уж понял.

– Значит, договорились.

Джон даже ответить сразу не может. Желчь так и жжет ему горло. Но то, что Ментор его обманет, вполне можно было ожидать. Среди тех немногих вещей, которым научил его отец перед тем как смыться, была одна, которую он особенно хорошо запомнил и которой никогда не следовал: «Когда сделка кажется тебе слишком удачной, чтобы быть правдой, представь, что будет дальше».

Но ведь и выбора особого у него нет. Он не знает, что сделал этот элегантный и таинственный человечек, чтобы видео

Деси перестало быть главным предметом общественного обсуждения, но можно предположить, что, как бы там ни было, стоит этому человечку щелкнуть пальцами – и все как по волшебству вернется на свои места. И тогда хрен ему, а не карьера, хрен, а не кокочас его маменьки.

И в одном Ментор прав. На этом этапе инспектору Гутьерресу уже просто необходимо узнать, к чему вся эта таинственность.

– А что мне остается? Раз меня держат за яйца, – сдается Джон.

– Рад слышать, что вы это осознали.

Джон поворачивается к машине, в которой так и сидит Антония.

– Почему она не выходит?

Ментор берет Джона под локоть и отводит подальше от «ауди».

– Не смотрите на нее сейчас. Она готовится. Для нее это будет непросто.

Игра

Сидя одна в машине, Антония дышит с трудом. За то время, что она ехала сюда с закрытыми глазами, ей едва ли удалось успокоиться.

Она испробовала некоторые свои приемы, как например:

- посчитать количество оборотов, сделанных колесами машины во время поездки (приблизительно 7300);
- повторить в обратном порядке список готских королей (она два раза сбилась на Гезалехе, потому что Джон говорил без умолку);
- мысленно прочертить самый короткий путь от дома до парка Эль-Ретиро, избегая улиц, названия которых начинаются на гласную (плюс 11 минут, если есть пробки).

Все это не слишком помогло. Сердце колотится, дыхание сбилось. Сейчас, когда Джона нет рядом, ее охватывает паника. Или, скорее, она сама позволяет панике завладеть собой именно теперь, когда никто этого не видит.

Она так долго пыталась бежать от самой себя, но реальность все же настигла ее. У Антонии черный пояс по самообману, но даже она способна себе признаться, что, несмотря на страх, ей сейчас очень хочется выйти из машины и вер-

нуться к своей прежней работе.

Пусть даже это не очень хорошая идея.

Пусть даже она поклялась себе никогда больше этого не делать – после той трагедии, что произошла с ее любимым человеком.

Пусть даже свинцовая тяжесть под ложечкой так и просит ее пересесть на водительское место, завести машину, вжать педаль газа в пол и уехать из этой золотой клетки. Рвануть как следует под визг покрышек.

Пусть даже она разочарует бабушку Скотт.

Она смотрит в окно и с удивлением останавливает взгляд на искусственном озере.

Mångata.

По-шведски это значит *лунная дорожка на поверхности воды*.

У них с Маркосом была игра – *и сейчас есть, есть, есть*, повторяет она сама себе почти в полный голос. Нужно было находить необычные слова – те, что обозначают прекрасные и непередаваемые чувства; слова, которые на испанском можно передать только целым абзацем. Когда кто-то из них отыскивал такое слово, то дарил его другому как драгоценность. И вот сейчас как раз подул ветер, из облаков выглянула луна, и одно из ее любимых слов воплотилось в жизнь прямо у нее на глазах: серебристая, дрожащая, неровная линия.

Mångata.

Этот знак свыше означает то, что хочется Антонии. Ведь для того-то вселенная и посылает нам знаки, чтобы мы толковали их так, как нам удобно.

Тяжесть в груди ослабевает, дыхание выравнивается. Обезьяны в голове кричат уже не так громко. Это лучшее, что может нам дать уверенность, пусть и временная. Она наполняет нас спокойствием.

Антония делает глубокий выдох и открывает дверь машины.

Место преступления

Вдоль дороги к дому сияют светильники, встроенные в крупные каменные плиты. По мере подъема Джон все яснее видит, насколько же огромный перед ним особняк: неудивительно, что цена на недвижимость в Ла-Финке доходит до двадцати миллионов евро, как вычитала Антония. В окнах горит свет, а мерцающая подсветка золотит белый фасад. От главного входа частично виден бассейн – метров десять в длину как минимум. Его внешняя часть, будто парящая над искусственным озером, полностью сделана из стекла. Джон предполагает, что, если смотреть на бассейн при дневном свете из окна, создается иллюзия его слияния с озером.

– Мы обойдем сзади, – говорит Ментор, показывая дорогу.

С Антонией они не поздоровались. Она просто вышла из машины и молча пошла за ним следом.

Тропинка, выложенная тем же камнем, что и дорога, и фасад, огибает дом и ведет к бассейну. За углом они видят столовую на открытом воздухе: дизайнерские стулья под черной стальной перголой. Деревянный настил соединяет зону бассейна со столовой и подводит к гостиной с открытой стеклянной дверью внушительных размеров. Внутреннее убранство скрыто за тяжелыми складчатыми занавесками.

На одном из стульев столовой сидит высокая женщина в классическом защитном комбинезоне эксперта-криминалиста. В одной руке сигарета, в другой телефон.

– Это вас погубит, доктор, – приветствует ее Ментор.

Женщина бубнит в ответ что-то невнятное, не отрывая взгляда от телефона, и делает очередную затяжку.

Ментор раздосадовано цокает языком и поворачивается к Антонии. Та смотрит на него выжидающим взглядом, переминаясь с ноги на ногу, словно бегун перед стартом. Наклонившись совсем близко к ее уху, Ментор спрашивает:

– Как звучит хлопо́к одной ладони?

Антония ничего не отвечает, просто молча заходит в ярко освещенную гостиную.

Что, черт возьми, тут вообще происходит? – думает Джон.

Он уже собирается пойти за ней следом, но Ментор преграждает ему путь.

– Подождите. Прежде чем вы туда зайдете, хочу вас предупредить: то, что вы сейчас увидите, – строго конфиденциально, никто не должен знать ни об этом расследовании, ни даже о моем существовании, равно как и о существовании сеньоры Скотт. Вы увидите и услышите то, что вам покажется странным, и то, с чем вам сложно будет согласиться. Вы готовы быть хорошим солдатом?

– Меня на поводке вести не нужно, – отвечает Джон, отталкивая его с пути.

Ментор оказывается гораздо сильнее, чем кажется в своем безумно дорогом костюмчике, но все же противостоять физической мощи Джона непросто, и ему приходится отступить. Что до инспектора Гутьерреса, то он и так уже два дня мечтает врезать ему как следует, а теперь, после попытки Ментора его попридержать, это желание только усиливается.

– Не вынуждайте меня, – настаивает Ментор. – Ведь я о многом вас не прошу. Просто молчать и следовать правилам.

Теперь они меряются взглядами. И на этот раз весы склоняются в другую сторону. Джон вынужден взять себя в руки и подавить ярость. Ничего, он еще ему покажет, просто момент пока не настал.

– Что ж, попробую, – отвечает он, хотя его взгляд говорит об обратном.

Ментор довольствуется временным прекращением огня и отходит в сторону.

Ночь довольно теплая. Но внутри жуткий холод. *Кто-то установил термостат в морозильный режим*, – догадывается Джон, едва раздвинув занавески.

Когда он зашел в гостиную, увиденное слегка пошатнуло его представление сразу о двух вещах.

Прежде всего, раньше он думал, что знает – хоть и опосредованно, – что такое роскошь. Его мать, учительница младших классов, всегда работала по призванию, и денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами, с учетом тех грошей, что посылал им отец, после того как ушел к другой. Но

у маменьки были состоятельные друзья, которые время от времени звали их в гости: несколько человек из Бильбао и еще парочка из Алавы. Двойные фамилии, земельные участки, машины. Тонко нарезанный хамон «Хоселито» на закуску, вино «Вега Сицилия» почти каждый вечер, охота по воскресеньям – вот три составляющие их богатства. И ты потом возвращаешься к себе домой, на другой берег Нервьона⁷, и засыпаешь, думая, что прикоснулся к небесам.

А много лет спустя ты заходишь в эту гостиную и понимаешь, что даже приблизительного понятия не имел, как выглядят небеса.

Пространство кажется необъятным, хотя архитектор явно старался обустроить его по человеческим меркам. Открытый взгляду второй этаж, световой купол на потолке, окно в четыре метра высотой. В стороне расположена столовая с камином, отделенная стеной от холла, декоративного фонтанчика и всего прочего. Картины развешаны со вкусом. Джон узнает одну работу Ротко и две Миро. Пытается вспомнить автора еще одной, его имя так и вертится на языке, это точно какой-то голландец. В конце концов Джон сдается и просто тихонько подсчитывает, что картины в этой гостиной стоят раз в десять больше, чем весь дом.

Тот, кто здесь живет, однозначно не имеет ни малейшей связи с реальностью, ни даже самого смутного представления об обычной человеческой жизни. Эта мысль приходит

⁷ Река в Стране Басков.

ему в голову и тут же улетучивается, оставляя после себя лишь легкое недоумение.

В другом конце зала находится непосредственно гостиная. Восьмидесятидюймовый телевизор настолько тонкий, что кажется, будто его нарисовали на стене. Диваны, обитые прочной гладкой кожей. А в углу – то, что во второй раз колеблет мировоззрение Джона.

Полицейские в чем-то похожи на собак: один год у них идет за семь.

За двадцать с лишним лет Джон вдоволь насмотрелся на смерть. Героинщик, зарезанный в переулке; паренек, прыгнувший с моста Мирафлорес; две старушки, изрешечённые своими соседями-подростками. Когда ты уже столько всего повидал, начинает казаться, что все эти смерти ничем друг от друга не отличаются. *Угасание пульса, звон стекла и наконец одиночество*⁸. Ты постепенно черствеешь и начинаешь думать, что ничто уже не способно удивить тебя или задеть за живое.

И вдруг ты видишь на диване мертвого подростка и понимаешь, насколько же ты ошибался.

– Черт возьми! – вскрикивает Джон.

Парню было лет шестнадцать-семнадцать, не больше. На нем белые брюки и рубашка, которые практически сливаются по цвету с кожей дивана и его собственной кожей – когда-то смуглой, а теперь мертвенно бледной, почти прозрач-

⁸ Отсылка к песне Хоакина Сабина «Ruido».

ной. Жизнь полностью покинула его невероятно худое тело, и тем не менее он все еще сидит – с прямой спиной, нога на ногу, правая рука на колене, а в левой бокал, наполненный до краев чем-то густым и очень темным. На нем нет ни обуви, ни носков; босые ступни приобрели небесно-голубой оттенок – равно как и губы. Глаза открыты, белки отдают желтизной.

Самое ужасное – его открытый рот, искривленный в подобии улыбки. От нижней губы к ямочке на подбородке тянется сгусток крови.

Джон сдерживает мгновенную безжалостную тошноту: к горлу подступает призрак несъеденного ужина. Он сжимает кулаки, разрываясь между яростью и состраданием, и изо всех сил пытается сохранить содержимое желудка внутри, а профессионализм снаружи.

Когда ему удастся успокоиться, он обращает взгляд на Антонию: та сидит на корточках возле трупа и внимательно разглядывает его лицо. При этом она приблизилась к нему настолько, что кажется, будто они вот-вот поцелуются.

– Скотт, – ласковым голосом зовет ее Ментор, – расскажи нам, что ты видишь.

Джон даже не заметил, как он вошел, а сейчас этот загадочный персонаж уже стоит позади, всего лишь в паре шагов. Его голос производит двойной эффект: успокаивает Джона и возвращает Антонию из ее мира в реальность. Или, по крайней мере, находит с ней связь в ее мире.

– Признаков насилия нет, – говорит она настолько тихо, что Джону приходится подойти к ней ближе, чтобы что-то услышать. – Без поверхностных ран и следов борьбы, как на руках, так и на ногах.

Она снова замолкает, как будто слова стоят ей невероятных усилий.

– Причина смерти, – подсказывает Ментор.

Антония достает из сумки нитриловые перчатки, надевает их и сжимает большой палец трупя.

– Гиповолемический шок, или гипоксемия, или и то и другое. Почки, видимо, отказали в тот момент, когда сердцу больше нечего было качать. Медленная и болезненная смерть. Цианоза совсем мало: синюшность присутствует только на губах и пальцах ног. По всей видимости, мальчик был под воздействием седативных препаратов и находился в лежачем положении, иначе цианоз проявился и на руках. От головной боли и тошноты он бы весь скрючился и сложился пополам. На коже бы остались следы от его собственных пальцев.

– А если попроще? – спрашивает Джон.

– Он умер от потери крови, – говорит кто-то у него за спиной.

9

СЫН

– Представляю вам доктора Агуадо – это наш судмедэксперт. Она со вчерашнего дня работает на месте преступления, – говорит Ментор.

К ним присоединилась женщина, сидевшая снаружи. Она сняла полиэтиленовую шапочку, и теперь видны ее белокурые длинные волосы, собранные в хвост. На вид ей около сорока. Длинные ресницы, размазанный макияж; в носу пирсинг, на губах усталая улыбка, во взгляде лукавая томность. Руку для приветствия она не протягивает, и Джон ей за это очень благодарен. Руки судмедэкспертов вызывают у него отвращение.

– Потеря крови? Каким образом – от ножевого ранения, от выстрела?

– Убийца ввел ему канюлю в сонную артерию и выпустил кровь, – отвечает доктор.

– Он делал это очень медленно, – добавляет Антония, скорее для себя самой, чем для них. – Спокойно, не торопясь.

Теперь понятно, почему он настолько худой. В человеческом теле циркулирует четыре-пять литров крови. Если ее вылить, останется вот такая пустая скорлупка, как сейчас перед ними. Джона Гутьерреса охватывает волна жалости к этому мальчику при мысли о его последних мгновениях.

– Следов борьбы, говорят, нет. Как же убийце удалось усмирить жертву? – спрашивает он.

– Я взяла образцы слизистой, и там обнаружились следы бензодиазепинов. Это все, что я могу вам сказать, раз вскрытие сделать нельзя.

– Мы уже обсуждали это, Агуадо. У нас нет согласия семьи, так что не надо настаивать, – говорит Ментор.

Джон ничего не понимает. Когда они разговаривали по телефону на лестнице в доме Антонии, Ментор ему сказал, что произошло невероятное убийство, что преступник проник в место, обеспеченное сверхнадежной охраной, а затем скрылся, не оставив следов. Но такого абсурда Джон не ожидал.

Когда речь идет о преступлениях насильственного характера, решение о вскрытии принимают не родственники, а следственный судья. А его, кстати, что-то не видать. В этом расследовании и осмотре места преступления вообще все не так, не по протоколу. Не соблюдается ни Закон об уголовном судопроизводстве, ни установленный порядок. Только судмедэксперт – и все? Никаких вспомогательных подразделений, никаких инспекторов (ну кроме него, конечно)? С чего бы вдруг?

Джон осекается. Ведь самый-то главный вопрос так и не был задан.

– Кто жертва?

Доктор Агуадо ненадолго уходит, а затем возвращается с папкой, из которой достает фотографию высокого худого

юноши с кудрявыми волосами и грустным взглядом. Юноша запечатлен на пляже. Он позирует с явной неохотой – что вполне соответствует его возрасту и ситуации. Бессмертный, неуязвимый, беззаботный. Фотография, видимо, была сделана этим летом, заключает Джон. Боже, как же он ненавидит эти фотографии *до*. Ему невыносимо мысленно соединять образ живого человека, который и не догадывается об уготовленной ему ужасной участи, с этими тленными останками.

Юноша держит за руку девочку лет восьми-деяти: та сжимает пластиковый мячик и улыбается в камеру беззубым ртом.

Эта девочка никогда больше не сможет поиграть с братом, – думает Джон. – Как же они обо всем ей расскажут? Это всегда самое сложное. Посмотреть человеку в глаза и сказать, что его мир разбился вдребезги. И что обратно его никак не склеить, потому что некоторых осколков уже никогда не собрать.

Внизу фотографии Агуадо написала имя жертвы. Джон хочет прочесть его вслух, но тут застревает взглядом на фамилии. Фамилия звучная. Ни с чем не спутаешь.

– Одну секунду. Альваро Труэба. То есть этот мальчик...

– Да. Он сын. Один из них, – перебивает его Ментор. – У вас есть счет в банке его матери, инспектор?

Джон делает глубокий вдох. От осознания происходящего кружится голова.

– В Бильбао в основном BBVA или BВК⁹, тут уж у нас свои интересы.

– Надо же, как удивительно, – с сарказмом отвечает Ментор.

Внезапно Джон понимает, почему кондиционер в этом доме включен на максимум. Температура внутри вряд ли больше 13–14 градусов.

– Все это останется в секрете, не так ли? Поэтому-то здесь чертов холодильник. Чтобы тело этого паренька не начало разлагаться как можно дольше. Когда вы с ним закончите, кто-нибудь по-тихому передаст его тело семье. А они всем скажут, что парень утонул в бассейне или что-нибудь в этом роде, и устроят похороны без прессы и без скандала.

– И с открытым гробом. Вы и представить себе не можете, на что способен мотивированный бальзамировщик.

Джон обводит жестом огромную гостиную с драгоценными картинами.

– С такими деньгами и с такой властью можно кого угодно замотивировать, не так ли? Вот вы, с этими вашими дорогими машинами, секретиками, циничными фразочками, чем вы занимаетесь? Подтираете за богачами?

Ментор поворачивается к нему. Губы плотно сжаты, а в мутном взгляде проскальзывает черная тень.

– Значит, вот что вы думаете о происходящем?

– Да я понятия не имею, что тут происходит, вы ведь не

⁹ Названия банков, имеющих штаб-квартиры в Стране Басков.

соизволили поставить меня в известность. Мне ясно лишь одно: вам насрать на убитого мальчика. Слишком уж вы заняты тем, что... — Джон секунду колеблется и все же выдает штамп: — ...блюдете чужие интересы.

— А что, по-вашему, лучше? Быть второсортным толстым полицейским?

— Я, по крайней мере, не прислуживаю никому лакеем.

Ментор смотрит на Джона с любопытством, словно на зверя в зоопарке, выкинувшего неожиданный фортель.

— Прошу прощения, инспектор. Моя работа непростая, и не всегда все выходит так, как хотелось бы.

Джон не очень-то верит извинению. А если точнее, то совсем не верит. Но все же предпочитает притвориться, поскольку в противном случае ему придется дать Ментору затрещину.

— Мы все устали, — говорит Джон. — Да и ситуация не из легких.

— Особенно для вас, ведь вы, можно сказать, работаете впотьмах. — Ментор показывает в сторону Антони, которая с тех пор едва сдвинулась с места; затем обменивается странным взглядом с доктором Агуадо. — Пока оставим ее тут, инспектор. Давайте выйдем на улицу, я расскажу вам правду.

10

Чаша

Антония Скотт не обратила внимания ни на потасовку, чуть не разыгравшуюся у нее за спиной, ни на уход Джона и Ментора. Целиком и полностью поглощенная делом, она словно впитывает в себя каждую деталь места преступления. Ее взгляд беспрестанно скользит по кругу, останавливаясь на следующих элементах:

- Застегнутая доверху белая рубашка.
- Неестественное положение тела.
- Полное отсутствие крови на дубовом полу, на диване и на индийском, сотканном вручную ковре.

Глаза, рука на колене в дугу, бокал нет-это слишком.

– Я задыхаюсь, – говорит она хриплым голосом.

Антония все еще сидит на корточках. Она закрывает глаза, пытаясь не захлебнуться, не потонуть в этом потоке информации. Старается снова вызвать в воображении *Māngata*, но нет, этот образ очень далеко, по ту сторону кирпичной стены, а здесь совсем другие

[рубашка, тело, бокал на подлокотнике дивана]
образы.

Она думала, что справится и так.

Но нет.

Она не может. Детали наводняют ее, диктуют свои собственные, невыносимые условия.

В конце концов она сдается.

Еще только один раз. Последний раз.

Она протягивает руку. Словно в мольбе.

Доктор Агуадо подходит к ней сзади. В руках у нее маленькая металлическая коробочка, из которой она достает красную капсулу и кладет на ладонь Антонии.

– Принести воды?

Антония не отвечает ни слова, просто сжимает кулак и кладет капсулу в рот. Раскусывает желатиновую оболочку, высвобождая желанный горький порошок, рассасывает его под языком, чтобы химический коктейль как можно скорее впитался в слизистую и унесся в кровоток.

Она считает до десяти, вдыхая и выдыхая после каждой цифры, словно спускается по ступенькам к своей цели.

Внезапно мир вокруг замедляется и уменьшается. Электрические разряды, пробегающие по рукам, груди, лицу, постепенно затихают.

– Спасибо, – произносит она наконец. Доктору, капсуле, да и всему миру. – Спасибо.

– Значит, это вы, – говорит Агуадо. – Я очень хотела с вами познакомиться. Я много читала про вашу работу. То, что вы сделали в Валенсии...

– Да, я, – перебивает ее Антония. И это правда. Это снова

она. – А вы новый судмедэксперт.

– Робредо уехал в прошлом году, не дождался вас. Теперь работает в Мурсии. А я вот думаю, кому охота ехать в Мурсию, – Агуадо протягивает Антонии папку, – когда есть возможность работать вместе с вами.

Тому, у кого есть мозги, – думает Антония. Жестом отстраняет папку. Она еще не готова. Сначала она должна посмотреть все сама.

– Ни капли крови на месте преступления, – говорит она. – За исключением бокала, конечно.

Густая жидкость уже начала застывать на стенках бокала из богемского хрусталя в руке юноши. Наполняя до краев бокал кровью, убийца по всей видимости хотел изобразить вино.

– Это кровь жертвы?

– Я провела экспертизу с использованием бромкрезола. Пока могу лишь сказать, что у крови из бокала и крови жертвы одна и та же группа – третья положительная. Когда будет готов результат анализа ДНК, узнаем наверняка.

То есть через пять дней. Когда меня здесь уже не будет.

– Что это за вещество у него на волосах? – спрашивает Антония, чуть приподнимаясь, чтобы лучше разглядеть голову жертвы.

Волосы мальчика блестят в свете ламп. У него выющаяся шевелюра, зачесанная назад. На первый взгляд кажется, что волосы уложены гелем, но слишком уж они выглядят масля-

нистыми, утяжеленными. По виску стекает крошечная капля.

– Оливковое масло на девяносто девять процентов, – зачитывает доктор. – Корица и еще один компонент, который нам пока не удалось установить. Я приехала на МобЛаб, он припаркован позади дома, но мне здесь не хватает оборудования.

МобЛаб – это фургон, доверху забитый оборудованием для судмедэкспертизы. Снаружи он кажется самым обычным черным «Мерседесом-Спринтером» без окон. А внутри – словно космический корабль с кучей пробирок, реактивов и компьютеров. Но все же место в нем ограничено.

– Вы отправили образцы в отдел?

– Что-нибудь узнаем через пару часов, – говорит Агуадо.

При мысли о том, что нужно ждать деталь головоломки, Антония приходит в уныние. Вся сцена перед ними продумана до мелочей, и главное сейчас – это понять, какое послание хотел донести убийца. Антония указывает на бокал.

– Вы смотрели на кухне?

– В серванте не хватает одного такого. Марка и модель совпадают.

Убийца, используя предметы из дома, явно хотел что-то этим сказать. Единственное, что он принес с собой, это оливковое масло.

Вино и масло. Антония уже где-то читала про нечто подобное. Или слышала. Воспоминание приходит внезапно.

Она видит себя ребенком. Ей семь лет, два месяца и восемь дней. Базилика Ла-Мерсе. Все одеты в черное. Пахнет хризантемами, любимыми цветами ее матери.

– Это псалом, – говорит Антония, указывая на труп. – Двадцать третий псалом. Не помню, какой стих.

Доктор Агуадо смотрит на нее в замешательстве.

– Я думала, вы помните все, что читали.

Так ведь я его не читала. А слышала на отпевании. Три десятка лет назад. А с того дня как-то не приходилось читать Библию.

– Не всегда, – отвечает Антония.

– Кажется, нашла. «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена», – читает Агуадо. – Вы это имели в виду?

Антония неопределенно хмыкает. Чаша, полная крови; смазанная маслом голова. Слишком много совпадений. А в то, что это просто совпадения, она не верит.

– Я готова посмотреть вашу папку, доктор Агуадо.

За пятнадцать минут Антония прочитывает сто страниц, заполненных датами, схемами и всей той информацией, которую подготовила для нее судмедэксперт. Отличная работа, гораздо более скрупулезная и четкая, чем у ее предшественника. Антония не уверена, стоит ли говорить это судмедэксперту, ведь она должна держаться как можно более отстраненно с членами команды (директива номер 11 регламента) и не симпатизировать им (директива номер 3), чтобы отно-

шения были как можно более профессиональными (директива номер 17). Раньше она следовала регламенту.

А сейчас нет.

– Мои поздравления, доктор, прекрасный отчет. Я очень рада, что Робредо уехал в Мурсию, мы от этого только выиграли.

Агуадо отворачивается (слишком поздно), чтобы Антония не увидела ее покрасневших щек.

Антония, в свою очередь, вновь концентрируется на страницах отчета. Самое тяжелое для нее – это обнаружить фотографию мальчика на пляже. Антония знает, что нельзя воспринимать жертв преступлений как людей. Благодаря тренировкам она сумела выстроить эмоциональный барьер, превращающий их в простые факты, в части иероглифа, который нужно разгадать. Раньше у нее это получалось, хоть и с трудом.

А сейчас нет.

Все изменилось после того, что случилось с Маркосом. Того, что случилось с ним из-за меня. Все, что с нами случилось, – это из-за меня.

Неожиданно для себя Антония дает обещание мальчику с фотографии. Обещание, которое выполнить не сможет, потому что оно идет вразрез с обещанием, данным Маркосу. И данным себе самой. И противоречащим, в свою очередь, ожиданиям бабушки Скотт.

Я найду того, кто это сделал, говорит она мальчику с

фотографии.

Как только эти слова звучат у нее в голове, она тут же раскаивается. Но и взять их обратно она уже не может. В этом-то и беда, когда даешь обещания мертвым.

Если не сдержишь слово, просить прощения потом будет еще сложнее.

Объяснение

Ментор доходит до летней столовой и садится на дизайнерский стул. Стиль Ле Корбюзье или нечто в этом роде. Дорого и неудобно, заключает Джон, когда усаживается сам и понимает, что спинка не рассчитана на людей с его габаритами. Если, конечно, стул не задумывался как пыточный.

На столе лежит забытый доктором Агуадо «Мальборо Лайт». Предупреждающая фотография, напечатанная на пачке, изображает детский гроб.

От такого страшного совпадения у Джона сжимается сердце, и он тут же отводит взгляд.

Ментор, будучи не таким чувствительным, тянется к пачке и предлагает сигарету инспектору, который в ответ лишь качает головой. Тогда Ментор закуривает сам, делает три затяжки, кашляет как безумный и тушит свою сигарету о стеклянную поверхность стола – влажную от брызг садового опрыскивателя.

– Вы не боитесь повредить следы преступления?

– Было бы что повреждать. Агуадо трудится тут уже двадцать шесть часов кряду, она уже осмотрела весь дом и сняла все отпечатки.

Джон аж присвистывает от восхищения. Ей ведь надо было разметить пространство, отделив друг от друга каждый

квадратный метр, сделать фотографии, заняться поиском улики. А в таком огромном доме это задача для четверых, а то и для пятерых.

– Да она просто машина.

– Доктор Агуадо лучшая во всей Испании. К счастью для меня и к несчастью для нее, нам выпало работать вместе.

– Вы что-нибудь выяснили?

– Ждем результатов анализов, чтобы исключить родственников и прислугу. Я ни на что не рассчитываю. Есть, конечно, волосы, волокна, но черт его знает. От них ведь никогда нет толку. Разве что в сериалах.

Джон прекрасно это знает. В сериалах работу экспертов изображают настолько фантастической, что полицейские иногда и сами попадают в эту ловушку и, как и зрители, начинают верить во всякие чудеса.

Ментор вновь принимается давить уже потухшую сигарету об стол и отодвигает от себя пачку.

– Я бросил несколько месяцев назад. Время от времени напоминаю себе почему.

– Лучше чуть-чуть пострадать, чтобы избавить себя от больших страданий.

– Именно так. Почему вы стали полицейским, инспектор Гутьеррес?

Джон корчит недовольную гримасу.

– Вообще-то я пришел сюда не говорить, а слушать.

– Сделайте одолжение, инспектор.

Пауза. Джон не знает, какую версию ответа выбрать. Официальную, версию для друзей, версию для себя самого или правдивую. И то ли из-за усталости, то ли из-за эмоций, но в конце концов он останавливается на последней.

– Чтобы меня не трогали, – признается он.

Теперь уже Ментор делает удивленное лицо от такой честности.

– Ладно вам...

– Знаю, знаю. Типа, как же так, вы, такой большой и сильный, и прочая хрень. Не доставайте меня своим гребаным психоанализом. Отец нас бросил, я живу с матерью, трахаюсь с мужиками. Знаю я все эти штучки и банальные объяснения. Но дело в том, что... я просто боюсь. Я всегда боялся.

– Боялись чего?

– Да всего. Когда был подростком, боялся, что на меня нападут. Что буду возвращаться из школы, а меня пырнут ножом. Боялся несчастных случаев, заразиться СПИДом и еще фиг знает чего. Работа в полиции мне помогает. Когда ты во всем этом варишься, когда видишь несчастья других, у тебя как будто появляется волшебный щит. Как будто к тебе это все не относится.

– Решили чуть-чуть пострадать, чтобы избавить себя от больших страданий, – говорит Ментор.

– Именно так.

– Но сегодня ваш щит вам не помог?

Джон не отвечает. Зачем произносить вслух и так очевид-

ные вещи.

Оба ненадолго замолкают, собираясь с мыслями. Ментор чуть привстает со стула, пытаясь дотянуться кончиками пальцев до пачки сигарет, которую сам же до этого с усердием от себя отодвигал. Пламя зажигалки на пару секунд выхватывает его лицо из ночной темноты. На этот раз он уже не делает поспешных затяжек, а выдыхает клубы дыма медленно и с удовольствием.

– Идея возникла пять лет назад, в Брюсселе. В институте Фишера. Знаете такой?

– Не имею чести.

– Это *мозговой центр* Евросоюза.

– Что такое *мозговой центр*, я в курсе. Сборище богатых университетских придурков, которые считают, что лучше всех знают, что нужно миру.

Ментор смеется сквозь зубы, поднимая руки.

– Виноват. Но дело в том, что придурки иногда оказываются правы. Несколько лет назад проводилось одно исследование. Помните теракт 2012 года в аэропорту Тенерифе?

Джон кивает. Как же не помнить. Ближайшие камеры видеонаблюдения запечатлели момент взрыва и тут же отключились. А остальные камеры засняли не менее жуткую сцену: насмерть перепуганные люди бежали по терминалу, расталкивая и затапывая самых медленных.

– Исследователи занимались данными, которые имелись у разных полицейских подразделений до совершения теракта.

У местной полиции, у Канарской, у Гражданской гвардии, у Национальной полиции. У всех были фрагменты пазла. Но никто не поделился ими с остальными.

– Знакомая история, – подтверждает Джон. Он-то хорошо это знает, будучи представителем национальной полиции в Бильбао и постоянно воюя с автономной полицией Страны Басков. Отношения между полицейскими подразделениями безотрадны, словно воскресенье в доме престарелых. Зависть, разница в зарплате. Многолетние обиды. А в итоге страдают люди.

– То, что произошло в Тенерифе, повторилось позже: в Турине в две тысячи пятнадцатом и на Лас-Рамблас в Барселоне в две тысячи семнадцатом. Исследование провели немцы. У них там тоже нечто подобное. Восемнадцать подразделений полиции.

– Повеситься можно.

– Исследование не ограничивалось терроризмом, оно обращалось также к другим громким делам. К атипичным серийным убийцам, вроде Ремедиоса Санчеса. Десять нападений за двадцать четыре дня, три убитые старушки. Или вроде Ковакса, Дюссельдорфского клоуна.

– Черные лебеди. Они непредсказуемы.

При этих словах на лице Ментора отражается удивление. Черным лебедем, согласно недавней теории, называют ужасное значительное событие, которое ни наука, ни история никак не может спрогнозировать и которому можно дать ра-

ционалистическое объяснение только апостериори. Как, например, события 11 сентября, экономический кризис 2008 года или возвращение в моду поясных кошельков.

– Я не ожидал, что вы читаете Талеба, инспектор, – говорит Ментор, уставившись на Джона, словно впервые его увидев.

– Не надо меня недооценивать, – отвечает Джон. Он ни за что на свете не признается, что узнал об этой теории, листая замусоленный журнал в приемной стоматолога.

– Обещаю, не буду. Выводы исследования были следующими: в Европе мы создали новый мир. Без границ, без таможни. Пять миллионов квадратных километров, по которым преступники могут передвигаться как им вздумается. И сотни полицейских организаций, конкурирующих между собой. Вот тогда и возник проект под названием «Красная Королева».

– Как та, что из «Алисы»? «Отрубите им головы»?

– Название взяли оттуда. Это старая эволюционная теория. Помните эпизод, в котором Алиса и Королева бегут, бегут и все никак не сдвинутся с места?

Джон делает неопределенный жест рукой. Не всегда получается казаться умнее, чем ты есть. На притворстве долго не протянуть.

– Красная Королева говорит Алисе, что в ее стране необходимо бежать, только чтобы оставаться на месте, – продолжает Ментор. – Если применить это к эволюции, то получа-

ется, что необходима постоянная адаптация, чтобы удерживаться на том же уровне, что и преступники.

– Но мы и так это делаем, – протестует Джон.

– Каким образом? Стало больше полицейских? Больше компьютеров? Больше оружия? Или, может, вы имеете в виду лекции по киберпреступности, которые вы прослушали в комиссариате в прошлом году?

– Этого не могу сказать. Я на этих лекциях играл в «Энгри Бердз».

– В конце концов преступники оказываются в более выгодном положении, потому что они быстры, незаметны и ни с кем не считаются.

Джон переводит взгляд на дом.

– Кажется, я начинаю понимать.

– Проект начался с эксперимента. Создать центральный отдел и по одному специальному подразделению в каждой стране Евросоюза. Для *особых* целей. Таких целей, которые следует держать в секрете от общественности.

– Например?

– Серийные убийцы. Неуловимые опасные преступники. Педофилы. Террористы.

– Отбросы-одиночки, – кивает Джон.

– Так же, как и у них, у нашей организации нет никаких оков. Нет иерархии. Нет соперничества. Нет бюрократии. Есть только агент связи под кодовым именем Ментор.

– Ну вот, а я-то думал, что это ваше настоящее имя.

Тот вяло усмехается в ответ.

– Каждый Ментор наделяется командой технических специалистов, которые действуют за пределами своего привычного русла. Никаких медалей, премий, повышений по службе. А на острие копья, непосредственно на поле боя, работают двое. Оруженосец, – Ментор указывает на Джона, – и Красная Королева.

– Я понял свою роль: ничтожный шофер с полицейским значком и пистолетом.

– Не стоит так себя обесценивать. Нам нужен опытный полицейский для защиты и рекомендаций нашему основному активу.

– Как скажете. А она?

Ментор делает паузу и зажигает еще одну сигарету.

– Королева появляется на месте преступления, смотрит и уходит. Наше подразделение никогда не является единственной организацией, целиком расследующей какое-либо дело. Мы работаем в сторонке, выглядывая из-за плеча *настоящей* полиции.

– Но только не в этот раз.

– Не в этот раз, потому что возникли... особые обстоятельства.

В ответ на цинизм Ментора Джон смеется сквозь зубы и качает головой. Инспектор всегда предпочитал называть вещи своими именами. «Половой орган», «вооруженное действие», «экономически слабый». Тогда как можно сказать

просто: *хер, теракт, бедный*.

– Как вы вышли на нее?

– В каждой стране начался процесс отбора – очень долгий и очень затратный. Кандидаты должны были обладать крайне редким набором характеристик: узкий круг личного общения, свобода передвижения, огромные способности к нестандартному мышлению. Были ли они высокими или низкорослыми, мужчинами или женщинами, толстыми или худыми – все это роли не играло. Мы не искали очередного Джеймса Бонда. Мы искали особенные мозги. Человека, который способен увидеть то, чего не видят другие.

В голосе Ментора слышится оттенок гордости, и это не ускользает от инспектора.

– Это вы ее нашли, не так ли?

– Испания была единственной страной без Королевы за три месяца до запуска проекта, – говорит Ментор. – И это после года непрерывных поисков. Я изучил тысячи досье и провел собеседование с десятками людей. И наконец появилась она. И я это понял.

Мадрид, 14 июня 2013 года

Высокий худой мужчина трет глаза от усталости. А рабочий день еще даже не начался.

На этой неделе они решили испробовать новый подход к проблеме. До сих пор они сочетали тест на тип личности с

тестами на интеллект. Специализация этого высокого мужчины – когнитивная психология и поведенческий анализ. Но до настоящего момента это ему не слишком помогло при выборе подходящих тестов. Он испробовал самые изысканные из них, разработанные ЦРУ, ФБР, МИ-6. И всем им не хватало главного. Они отражали умственные способности кандидата, но не его способности к импровизации.

Кого я пытаюсь обмануть? Вся проблема в исходном материале.

На этой неделе они решили испытать нечто иное. Их новый тест был разработан гораздо менее гламурной организацией, нежели спецслужбы, а именно, многонациональной нефтяной компанией. Обычно его используют, чтобы оценить реакцию кандидата на безвыходную кризисную ситуацию. Когда ассистентка предложила этот тест высокому мужчине, идея показалась ему скорее забавной, чем полезной, однако он решил – почему бы и не попробовать, после стольких-то безуспешных поисков. Но, видимо, напрасно. Десятки новых попыток не принесли никакого результата.

– По крайней мере нам не приходится зачитывать список вещей, необходимых для астронавта.

– Тест НАСА очень хороший, – говорит ассистентка, прихлебывая кофе.

Высокий мужчина украдкой поглядывает на нее с завистью. Ему невыносимо от кофеиновой ломки, но он знает, что если выпьет до обеда третий эспрессо, то проведет потом

весь день в ужасном настроении. Еще более ужасном.

– Я вас умоляю. Даже моя бабушка ответила бы им, что при необходимости нужно первым выбирать кислород, а не воду. И что компас и пистолет не пригодятся. Они там как с луны свалились! Ладно, начнем. Кто сегодня первый кандидат?

– Номер 793. Двадцать шесть лет. Инженер-технолог.

– Пусть заходит.

Ассистентка нажимает на кнопку на своей клавиатуре, и дверь открывается.

Они находятся на факультете психологии мадридского университета Комплутенсе. Чтобы ни у кого не вызвать подозрений, лучше всего проводить подобные испытания под видом студенческих тестов. Да и помещение для этого очень подходит – белая комната без окон. Возможность регулировать температуру, наличие зеркала Гезелла. С одной стороны зеркало, с другой – стекло. Кабина управления и несколько динамиков.

Высокому худому мужчине было забавно впервые здесь оказаться около года назад, когда начался процесс отбора. До этого он покинул родные пенаты, чтобы отправиться сначала к пенатам учебным, а затем к пенатам института Фишера. Жизнь его протекала скучно. Поэтому, как только он зашел в лабораторию, его охватило странное чувство. Как будто он оказался в фильме про шпионов. Или в шоу «Большой Брат».

– Я словно в фильме про шпионов!

– Или в «Большом Брате», не так ли? – сказала тогда ассистентка.

Высокому мужчине она понравилась. Хороший человек. Утренний цветок. Из тех, кто, пробежав перед работой пять километров, приходят цветущими словно розы и видят во всем позитив. Со временем его мнение о ней только улучшилось. Бывают даже такие дни, когда ему уже почти не хочется ее придушить – ни ее, ни всех этих идиотов, умников и чудаков, которые сюда приходят. А таких уже было больше семисот.

За все это время они предварительно отобрали шестерых кандидатов, которые могли бы им подойти. Но после третьего испытания всех их исключили. Теперь уже не осталось никого из предварительно отобранных. А это означает, что нужно начинать все заново.

Ничего. Все по нулям. А остальные страны уже запустили проект.

Он прекрасно знал, что руководство в Брюсселе уже собиралось дать ему пинка. И это его беспокоило. Все, что ему приходилось делать в жизни раньше, сводилось к сидению за книжками. К поглощению чужих идей, главным образом. Ему легче было повторять готовое, чем создавать свое. Поэтому, когда ему предложили участие в проекте «Красная Королева», он бросился навстречу этой возможности без особых раздумий. А теперь его все сильнее засасывает в пу-

чину собственного фиаско.

Номер 793 выполнял задание почти полчаса. Разумеется, в конце он сдался, нефтяная платформа затонула и все погибли. В этом-то и была загвоздка. Что бы кандидат ни делал, что бы ни отвечал, выиграть он не мог. Программа, генерирующая вопросы, выдавала все новые задачи и проблемы до тех пор, пока человек не сдавался или не совершал ошибку.

– По баллам у него неплохой результат, – сказала ассистентка.

Проблеск надежды...

– Можно отбирать?

– О-о-ой... Он почти в зеленой зоне, но нет.

...и вновь разочарование. Высокий мужчина снова трет глаза, набираясь терпения.

– Пусть заходит 794.

Женщина маленького роста. Жилистая. Не производит никакого особого впечатления, до тех пор пока не улыбается в зеркало. И тогда она сразу кажется очень симпатичной. *Не то чтобы ослепительная красавица, нет.* Но что-то в ней есть.

– Добрый день, – говорит высокий мужчина, нажимая на кнопку интерфона, связывающего кабину с комнатой. – Вам будет предложена некая ситуация. Все ваши ответы будут учитываться для подсчета баллов, которые вы будете набирать во время выполнения теста. Просим вас максимально сконцентрироваться, договорились?

Женщина не отвечает.

– Вы слышите меня? Видимо, проблема с интерфоном, – говорит высокий мужчина, не замечая, что не отжал кнопку.

– Я хорошо вас слышу. Я просто максимально концентрировалась, – говорит женщина.

Высокий мужчина улыбается, и ему хочется в первый раз (из стольких последующих) убить эту Скотт.

– Хорошо, начнем, – говорит он и начинает читать всплывающий на экране текст, начало которого он за неделю уже практически выучил наизусть. – Вы капитан нефтяной платформы, расположенной в открытом море. Сейчас ночь, и вы безмятежно спите. Внезапно ваш ассистент будит вас среди ночи. Аварийные огни зажжены, звучит сигнал тревоги. Поступило предупреждение о возможном столкновении. На вас движется танкер.

– Где находится платформа? – спрашивает женщина.

– В открытом море, далеко от всякой помощи.

– Мне необходимо точное местоположение.

– Точное местоположение значения не имеет.

– Мне оно нужно, – настаивает женщина.

– В вашу сторону движется танкер. На борту у него триста тысяч тонн сырья. Какова ваша первая реакция?

– Взять навигационную карту и установить точное положение моей платформы.

Высокий мужчина в замешательстве. Никто раньше не давал такого ответа.

– Сеньорита, – говорит высокий мужчина, стараясь скрыть раздражение в голосе. – Могу я узнать, почему вы так настаиваете на детали, не имеющей никакого значения?

Антония несколько раз моргает и разводит руками, словно ответ и так очевиден.

– Чтобы найти решение, необходимо знать, где находишься относительно проблемы.

Высокий мужчина поворачивается к ассистентке:

– Спросите у программы местоположение платформы.

– 83 градуса 44 минуты северной широты, 64 градуса 35 минут западной долготы, – отвечает она, немного постучав по клавишам.

Высокий мужчина повторяет координаты по интерфону.

– Ну вот, теперь вы знаете точное местоположение. Каким будет ваше следующее действие? Напоминаю, что время играет решающую роль для спасения ваших людей.

Женщина на несколько секунд задумывается.

– Я посмотрю календарь.

Высокий мужчина от негодования резко выдыхает. Так резко, что лежащие перед ним бумаги чуть не разлетаются.

– То есть нужно знать не только где, но и когда, так? – говорит он, не нажимая на кнопку интерфона.

Ассистентка вновь печатает, а затем показывает высокому мужчине дату, высветившуюся на экране.

– Согласно календарю сегодня 23 января 2013 года. Какой ваш план действий, сеньорита?

– Я иду спать.

– Простите, я, кажется, не расслышал.

– Я иду спать, – повторяет женщина. – Судя по данным вами координатам, платформа находится где-то в Северном Ледовитом океане. Если учесть широту и дату, можно сделать вывод, что море сейчас полностью замерзло, так что танкер не сможет врезаться. Задание выполнено?

Высокий мужчина в ошеломлении выключает интерфон и поворачивается к ассистентке. Та только что ввела данные в программу.

– Максимальное количество баллов, – говорит она, вытирашив глаза. – Согласно разработчикам, только один человек из семи миллионов может дать такой ответ.

– Кто эта женщина, черт возьми?

Ассистентка ищет в своих бумагах.

– Кандидат 794: Антония Скотт.

– Интересная фамилия.

– Родилась в Барселоне, единственный ребенок в семье. В графе «профессия отца» указано «дипломатический корпус». Это все, что отмечено в анкете.

Из динамиков доносится голос женщины.

– Простите, я могу идти?

– Подождите секунду, будьте добры. Мы оцениваем результат, – поспешно отвечает высокий мужчина и вновь отпускает кнопку. – У тебя больше ничего нет?

– В анкете, которую она заполнила, нет. Сейчас посмотрю

в наших материалах. Так... Она пришла по настоянию друга, который не хотел проходить испытание один. Безработная. Есть красивый жених. Изучала испанскую филологию. Правда, результаты учебы довольно посредственны. Средняя оценка – шесть из десяти.

Для высокого мужчины это разочарование, ведь у них было до этого столько кандидатов с блестящими оценками.

– Собственно, у нее шесть по всем предметам курса, – говорит ассистентка, посмотрев у себя в компьютере.

При этих словах высокий мужчина на секунду замирает и тут же прыскает со смеху.

– Ну конечно. Конечно, – говорит он, хлопая себя по колену.

– Что тебя так развеселило?

– Единственная вещь, которую сделать сложнее, чем угадать все числа в «Евромиллионах»¹⁰, знаешь, что это?

– Честно говоря, я никогда не играю. Лучшая лотерея – это работа и ведение хозяйства.

Высокий мужчина настолько взволнован, что даже не раздражается из-за этой фразы, недостойной даже чашки Mister Wonderful¹¹.

– Единственное, что может быть сложнее, чем угадывать все числа в «Евромиллионах», так это каждый раз не угады-

¹⁰ Межнациональная лотерея.

¹¹ Интернет-магазин, предлагающий среди прочих товаров чашки с различными надписями.

вать ни одного.

– Не вижу связи, – с недоумением отвечает она.

– Представляешь, как сложно получать всегда одну и ту же оценку, на всех экзаменах за весь курс обучения? При том что экзамены разных типов: письменные, устные, в виде тестов, в виде эссе. И при том что преподаватели все разные и каждый оценивает субъективно. Получать каждый раз оценку «шесть» гораздо сложнее, чем получить диплом с отличием.

Ассистентка остолбенело смотрит на него и кривит губы, словно лимон в рот взяла.

– Да уж, – только и может она вымолвить. – Да уж.

– Вот именно. Мы имеем дело с человеком, который всю жизнь очень старается оставаться незаметным.

Высокий мужчина проводит рукой по лицу Антонии через стекло. Словно трогает аквариум, пытаясь привлечь внимание рыб.

Но я тебя нашел, сеньорита Скотт.

Немного зависти

– А как вы поняли? – спрашивает Джон. – Как вы поняли, что это была она?

Ментор резким движением тушит окурок.

– Боюсь, я не могу вам этого сказать. Но главное, что у Испании появилась своя Красная Королева, да еще к тому же непростая.

– В каком смысле?

– Я думаю, вы заметили, что Антония особенная.

– «Особенная» – это эвфемизм. Ее несложно было бы принять за сумасшедшую или дурочку.

– И это было бы ошибкой. Все обстоит совсем иначе. Антония Скотт – самый умный человек на свете.

Джон фыркает в ответ. Вот как это: сначала ты уверен, что ехал в машине с недоразвитой чудачкой, а потом вдруг ты выясняешь, что, оказывается, сидел рядом с гением. Это вообще как понимать?

– Будьте так добры, повторите, пожалуйста, – говорит он, скрещивая руки на груди.

– Она самый умный человек на свете. Насколько нам известно, – осторожно уточняет Ментор. – Может, где-нибудь в Бангладеш живет козий пастух с IQ 243 балла. Невозможно все знать наверняка. На данный момент человек с самым

высоким зарегистрированным коэффициентом интеллекта – это Антония Скотт. Она могла бы работать в НАСА, управлять государством, заниматься чем угодно. Но вместо этого я уговорил ее работать со мной.

– А потом она смылась, да? – со злорадством выпаливает инспектор.

Во взгляде Ментора проскальзывает плотная тень.

– Вначале все шло хорошо. Антония прошла подготовку – трудную для нее и затратную для нас. Она участвовала в расследовании одиннадцати дел и раскрыла десять.

– Это какие-то известные дела?

– Если участвуешь в проекте, то при расследовании серьезных дел ты должен действовать с хирургической точностью. Никаких газетных заголовков. Делаешь свое дело – и отходишь в сторонку.

– А какой-нибудь простой полицейский проводит задержание?

– Что-то в этом роде. Суть в том, что Антония добилась лучших результатов во всем проекте. А три года назад все покатилося к чертям.

– И что же все испортило?

– Что и всегда. Настоящая любовь.

Джон хорошо подкован в вопросах романтики: он находится в постоянном поиске того, с кем уехать *на край света* и *чьим именем назвать каждую морскую волну*¹², – за девять

¹² Цитата из песни Хоакина Сабины «Ruido».

лет таких было шесть. И потому сейчас он аж подскакивает со стула.

– Любовь к ее мужу, да? Расскажите, расскажите.

Ментор задумчиво похлопывает себя по подбородку. И качает головой.

– Если я расскажу, то обману ее доверие.

Джон снова плюхается на стул, разочарованно опуская плечи.

– Вот черт, самое интересное не рассказываете.

– Она сама вам потом расскажет. Если сочтет нужным.

Надо признать, что этот мерзавец в себе уверен, думает Джон.

– Вы все полагаете, что она вернется. Но мне она ясно сказала. Только один раз.

Самодовольная улыбка Ментора слегка колеблется.

– Если так, то плохи дела.

– У расследования или у вас?

– Эти три года я провел под сильным давлением, – признается Ментор. – Безопасность в Испании подвергалась серьезным угрозам, в нас нуждались, но мы не могли помочь. С тех пор как она ушла, все застопорилось.

– Вы не пытались найти Антонию замену?

– Пытались... – вздыхает он в горькой задумчивости. – Но не смогли. Без Королевы наше подразделение не имеет смысла. Это последний шанс спасти проект.

– И поэтому вы решили отправлять к Антонии посланцев.

И поэтому обратились ко мне.

– Мне нужен был кто-то, кого можно шантажировать.

Джон вспоминает, как однажды, несколько лет назад, пришел домой и застал любовь своей жизни с другим. Джон тогда тихонько вышел, прикрыв за собой дверь: он никогда никому не устраивал сцен. И прежде чем дверь полностью закрылась, неверный возлюбленный повернул голову в его сторону. Их взгляды встретились, а затем он просто вернулся к прерванному занятию.

Это ощущение кристальной, беспощадной откровенности, которая тогда повисла в воздухе (*да, все именно так, и я не раскаиваюсь, как уж есть*), очень похоже на то, что инспектор испытывает сейчас, когда Ментор говорит ему без обиняков, что для него он не более чем инструмент. И в душе у него образуется странная смесь из сочувствия, изумления и неприязни. И, возможно, капли зависти.

– Как вы после этого можете спокойно спать?

Пауза. На лице Ментора отражаются смиренность и сожаление. Или это просто маска, гримаса, тщательно отработанная перед зеркалом.

– Моя работа требует определенных уступок. Я утешаю себя тем, что все это для благих целей.

Ага, почти поверил.

– Вы спите как младенец, не так ли?

– Всю ночь. Непробудным сном.

Да уж как тут не позавидовать. Джона всегда восхища-

ли такие вот в чистейшем виде сукины дети, как этот. За что ни возьмется, все удается. Возможно, дело в том, что Джон просто не может стать одним из них. *Простофиля, вот ты кто. Добренький ты дурачок*, без конца твердит ему мать. А Джон на самом деле хотел бы побыть плохим парнем вроде Ментора.

И скрепя сердце он признается себе, что этот подонок начинает вызывать у него симпатию.

– Вы мне сказали всю правду? На этот раз без вранья?

– Почти всю. И почти без, – говорит Ментор с самодовольной улыбкой. – Иначе это был бы не я.

В этот момент их зовет в дом Антония.

Ментор поднимается с места и элегантно жестом застегивает пуговицу на пиджаке.

– Что скажете, инспектор? Готовы взяться за работу?

Джон тоже в свою очередь встает и тут же весь корчится, потягивается, расправляя свои огромные ручки и хрустя суставами.

– Я готов на что угодно, лишь бы поднять зад с этого чертова стула.

За четыре часа до этого

(Приблизительно в то время, когда Джон и Антония въезжают в Ла-Финку)

Карла Ортис больше смотрит на экран своего ноутбука, чем на дорогу, по которой ее везет Кармело. Дождь не прекращается с тех пор, как они выехали из Ла-Коруньи, настойчиво барабанит по лобовому стеклу огромного «Порше Кайена». Карла на него и внимания не обращает: ее полностью поглотил важный отчет, над которым она работает, устроившись на заднем сиденье.

Лишь когда они проезжают тоннель Гуадаррама и дождь сменяется ясным ночным небом, Карла поднимает голову от компьютера.

– Как там Мэгги?

Кармело успокаивающе смотрит на нее через зеркало. Голубые глаза, обрамленные веером морщинок. Этот взгляд из водительского зеркала сопровождает Карлу с самого раннего детства: веселый, шутливый, ласковый. Кармело провел в их семье всю жизнь. Он и *сам* часть их семьи.

– Лучше, чем на ручках, сеньора. Этот новый фургон чертовски роскошен.

У Карлы душа не на месте. Конечно, правда, что этот

фургон (коневоз, прицепленный к внедорожнику) лучший из возможных, да и ехать до Мадрида не так долго. Но Карла всегда очень переживает за своих четвероногих друзей. Когда она была маленькой и ходила в конный клуб учиться верховой езде, ей однажды пришлось стать свидетельницей того, как трое мужчин пытались загнать в прицеп жеребенка – а тот нервничал и не хотел двигаться с места. Его толкали, тянули за узду. Животное сопротивлялось. А как только его копыта непривычно зацокали по полу фургона, страх перерос в панику. Он встал на дыбы, пытаясь вырваться. Из-за рывка он стукнулся затылком о край фургона и тут же свалился замертво. Карла никогда не забудет, с каким звуком рухнуло его тело и как опрокинулся при этом прицеп вместе с двумя мужчинами внутри.

Мэгги, конечно, не пугливый жеребенок. Она одиннадцатилетняя голштинская кобыла, выращенная и выдрессированная лучшими тренерами мира. Очень дорогая. Отец Карлы купил ее на аукционе за четыре миллиона триста тысяч евро. Но для Карлы цена значения не имеет (любая цена на что угодно). Мэгги в их семье уже шесть лет. Она и *сама* часть их семьи.

– Остановимся на минутку.

Кармело тормозит на ближайшей площадке отдыха и ждет, пока Карла выйдет из машины, разомнет ноги, сделает пару затяжек и проверит, как там Мэгги. Кобыла просовывает морду в окошко, и Карла два раза медленно проводит по

ней рукой, поглаживая пальцем драгоценное белое пятнышко на гнедой шкуре.

Портит оно, видите ли, общий вид. Да что они понимают, эти идиоты.

– Сколько осталось ехать, Кармело? – спрашивает она, вернувшись в машину.

– Около часа, – отвечает шофер, глядя в навигатор. – Но если хотите, довезу вас сначала до дома, а потом сам отвезу Мэгги в Конный центр.

Карла на секунду задумывается. Каким бы ни был соблазн лечь спать на сорок минут раньше, она все-таки хочет сама завести свою лошадь в стойло. Сегодня поспит получше, а послезавтра уже соревнование. В конце концов она ведь отказалась лететь в Мадрид на частном самолете именно для того, чтобы быть рядом с Мэгги. Было бы странно теперь оставить ее на Кармело ради каких-то дополнительных минут сна.

– Нет, поехали. Домой потом меня завезешь.

Она пытается сконцентрироваться на презентации, которую готовит на ближайший понедельник для собрания акционеров. Результатами она довольна, хоть и знает, что этого будет недостаточно. Карла – директор по маркетингу в сфере женской одежды в текстильной империи своего отца, и каждый год он требует от нее непрерывного роста. И хотя ей удалось добиться успеха уже в третий раз подряд, отец все равно будет жаловаться, например на то, что клиентки

в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти недостаточно вовлечены или что магазины растут не так быстро, как он ожидал. Он всегда находит повод для недовольства. Но, конечно, будучи конформистом, вряд ли можно стать самым богатым человеком на свете.

В унынии и изнеможении она закрывает ноутбук и достает телефон. Время уже за полночь. Слишком поздно, чтобы звонить Марио, но Тереза, его гувернантка, скорее всего, еще не спит. Наверняка сейчас смотрит сериал «Корона» на большом телевизоре в гостиной, хотя ей это запрещено, да и в спальне у нее есть свой, сорокадюймовый. Но Карла предпочитает не делать прислуге выговор из-за мелких нарушений. Надо оставлять ей больше свободного пространства. И к тому же Тереза живет в их семье с самого рождения Марио. Она и *сама* почти часть их семьи.

Заряд телефона очень низкий, меньше десяти процентов.

Хватит, чтобы отправить сообщение в «Ватсап», а потом я его заряджу, думает она.

Карла: Все в порядке?

Тереза Няня: Все тихо и спокойно. Как вы, мадам?

Карла: Еду домой. Можно на него посмотреть?

Несколько секунд спустя Тереза отправляет ей фотогра-

фию Марио: тот преспокойно дрыхнет лицом в подушку в своей пижаме с Человеком-пауком, без единой заботы. Карла чувствует укол вины из-за того, что не успела приехать вовремя, чтобы самой его искупать и уложить, но тут же успокаивается. В конце концов ее тоже растили гувернантки, мать она видела редко, и ничего.

Работа превыше всего, думает Карла, кутаясь в шарф и закрывая на секунду глаза, всего на секунду, совсем чуть-чуть...

Просыпается она от резкого торможения. Ноутбук слетает с колен.

– Что случилось, Кармело?

– Дорога к Конному центру перекрыта. Согласно навигатору, осталось всего двести метров, но впереди знак дорожных работ.

Карла вглядывается сквозь лобовое стекло. Место, куда они едут, – первоклассный центр, торжественное открытие которого состоится послезавтра в новом районе недалеко от Ла-Моралехи. Постоянного освещения здесь пока нет. Снаружи в темноте виднеются лишь деревья. Фары «порше» освещают мигающий знак «ОБЪЕЗД, ВЕДУТСЯ РАБОТЫ».

– Там кто-то есть, – говорит Карла, показывая вперед.

К ним приближается фигура со светящимся жезлом.

– По всей видимости, сторож.

Он указывает им на земляную дорогу слева, едва разли-

чимую среди деревьев.

– Похоже, придется развернуться и объехать Конный центр с другой стороны, – предполагает Карла.

Задача по ориентированию достается Кармело, а она принимается за поиски упавшего ноутбука. С недовольной миной подбирает его с пола: не хватало еще только потерять презентацию. Это был бы конец света.

Ничего худшего и представить нельзя, думает она.

От резкого торможения упал и телефон. И его нигде не видно. Опершись левой рукой на сиденье, правой она ощупывает пол.

Куда он, черт возьми, завалился?

От неудобного изогнутого положения болит шея.

– Ну что, приехали? – спрашивает она Кармело. Ее пальцы нащупывают знакомую форму айфона. Он улетел под переднее сиденье. Телефон вибрирует: пришло сообщение в «Ватсапе».

Сейчас достану, думает она, *продолжая тянуться из всех сил. Еще чуть-чуть.*

– Не может быть, – говорит Кармело, хлопая по рулю. – Опять объезд?

Карла оставляет свои акробатические упражнения и поднимается с пола. Ничего, она достанет телефон потом, когда они приедут и она сможет включить в машине свет, а сейчас не надо слепить глаза Кармело.

– И как, интересно, мы теперь должны ехать? Если Кон-

ный центр вон там, – говорит Карла, показывая направо, в сторону высоких стен, стоящих менее чем в ста метрах.

К ним подходит человек в каске, светоотражающем жилете и перчатках. В руке у него светится жезл, как и у предыдущего охранника. Жестом он показывает Кармело, чтобы тот опустил стекло. Шофер подчиняется.

– Добрый вечер, – говорит человек со светящимся жезлом.

– Будьте любезны, подскажите, как проехать к Конному центру? Уже поздно, и лошади пора спать, – говорит шофер.

Когда Кармело усталый или раздраженный, он произносит слова с галисийским произношением, с улыбкой думает Карла и тут же потешается над собственной игрой слов. Произносит с произношением. Господи, как же уже поздно, и как же я устала. Она представляет, как лежит в кровати, закутавшись в одеяла. Завтра ее ждет тяжелый день.

– Это очень просто, выйдите из машины, и я вам покажу.

Кармело открывает дверь машины и ставит ногу на землю. Человек поднимает свой светящийся жезл, направляет его в темноту и одновременно наклоняется к шоферу, как бы стараясь четче указать ему дорогу.

– Смотрите, вон там.

– Где?

Мэгги беспокойно дрыгается в прицепе, ржет, нервно стучит копытами.

Лошади все чувствуют.

Тут Карла видит, что в правой руке человека с жезлом что-то сверкает, а через секунду и Кармело замечает это краем глаза и тут же лезет обратно в машину. Слишком поздно. Нож вонзается в шею водителя по нисходящей, со влажным чавканьем проходит сквозь жировую прослойку, рассекает яремную вену. Незнакомец обхватывает Кармело левой рукой, надавливает жезлом ему на грудь, пока тот пытается достать до непонятного чужеродного предмета, проникающего в его горло. До стального лезвия в четырнадцать сантиметров, которое сейчас покидает его плоть, позволяя венозной крови вырваться наружу бьющим фонтаном. И вместо того чтобы обеспечивать работу сердца, кровь Кармело забрызгивает открытую дверь «порше», просачивается в бардачок и впитывается в землю.

Кармело падает на колени, отчаянно пытаясь остановить кровотечение, вернуть в свое тело стремительно ускользающую жизнь. Он издает клокочущие хрипы, постепенно перерастающие в сдавленные стоны.

Карла даже рта не раскрыла: она хочет закричать, но ее горло сжалось от страха и изумления, от жуткого несоответствия между этим телом, агонизирующим на земле, и приветливым, добрым, вежливым человеком,

он часть их семьи

которого она знает и ценит; она вспоминает жеребенка из своего детства и одновременно думает о том, что Кармело больше не увидит своих внуков, одного из них она знает, он

того же возраста, что и Марио, однажды они вместе играли у них на вилле, и

Марио. О, Боже. Сынок.

в этот момент Карла осознает, что она будет следующей, что человек с ножом (он теперь не человек со светящимся жезлом, а человек с ножом) уже повернулся и собирается обойти «порше» кругом, он уже проходит перед фарами, и что если она хочет снова увидеть Марио, то нужно что-то делать *прямо сейчас, немедленно* – но пальцы не слушаются ее, соскальзывают с дверной ручки, влажные от пота, скованные страхом, – и вдруг у нее получается, раздается металлический щелчок, и дверь открывается, а человек с ножом уже *тут*.

Карла толкает дверь машины и бросается наружу.

Фотография

– Он умер не здесь.

Это первое, что говорит Антония, когда Джон и Ментор возвращаются в гостиную.

Мальчика на диване больше нет. После того как Антония завершила свой осмотр, доктор Агуадо поместила тело в черный мешок на молнии и положила на пол.

– Продолжай, – говорит Ментор.

– Здесь не основное место преступления. Мальчика убили не тут, это было бы невозможно сделать, не оставив следов. Убийца просто посадил сюда труп ради зрелищности. Для кого это было сделано – не знаю.

Джон смотрит на нее с удивлением. Что-то в ней изменилось. Когда они сюда приехали, она была похожа на пугливую морскую свинку, парализованную светом фар. У нее был трогательный вид, хоть и как будто немного отсутствующий. А сейчас она спокойна, невозмутима. Она здесь, с ними. Даже ее осанка изменилась: плечи немного расправились, подбородок приподнялся.

Другая.

– И мы не знаем. Рассказать тебе в общих чертах, что нам известно?

Антония кивает и готовится слушать, прислоняясь к стене

и убирая руки в карманы.

– Восемь дней назад я получил звонок сверху, – говорит Ментор, поднимая указательный палец к потолку. –

Спрашивали, готова ли ты вернуться к работе. Я сказал, что не знаю, но могу попытаться тебя вернуть. Тогда мне объяснили, что в твоём участии, возможно, не будет необходимости, но что случилось нечто серьёзное.

– Мальчик исчез, – предполагает Джон.

– Верно. Он был на уроке, отпрашился в туалет и не вернулся. Это все, что нам известно. В школе нет камер видеонаблюдения, а учителя подумали, что он решил прогулять урок математики. По всей видимости, такое уже случалось и не раз, так что учитель решил отправить его родителям письмо по электронной почте. Отец тут же ответил, что мальчик неважно себя чувствует и завтра в школу не придет.

– Значит, родители уже все знали, – кивает Антония. – Похититель сразу их известил, что увез мальчика с собой.

Джон проводит рукой по волосам.

– И сказал им не обращаться в полицию.

– Его родители – люди со связями. Они знали, к кому обратиться за помощью. Едва преступник повесил трубку, как они тут же задействовали вышестоящие службы. Мне позволили уже через полтора часа после того, как парень пропал.

Правосудие одинаково для всех, думает Джон. Ему просто необходимо срочно пропустить стаканчик пива, а лучше десять.

– А потом?

– Потом мы получили распоряжение ничего не предпринимать. Быть наготове, если надо будет вмешаться. И это все.

Потерянная неделя, думает Джон. Целую неделю убийца мог свободно передвигаться, как ему вздумается, и делать все, что хочет, с бедным Альваро.

– Вчера в семь утра обслуживающий персонал обнаружил труп Альваро Труэбы, – вступает в разговор доктор Агуадо. – И тогда нас попросили вмешаться.

– С расчетом на то, что ты присоединишься к нашей вечеринке, – добавляет Ментор.

Антония распрямляется и подходит к ним ближе.

– Что будет с мальчиком?

– Скажут, что он умер от менингита. Резкое повышение температуры. Наш врач подготовит свидетельство.

Антония смотрит на него не моргая.

– Мы так никогда не работали, Ментор. Раньше мы, конечно, немного отклонялись от правил. Выходили за допустимые рамки. Но чтобы такое... это нехорошо.

– Может, раньше это было и нехорошо, Антония, – говорит Ментор, пожимая плечами. – Но потом ты от нас ушла. Бросила нас.

– Не смей обвинять меня в этом! – говорит она, тыча в него пальцем.

Ментор вытаскивает из папки фотографию, на которой мальчик запечатлен со своей сестрой на пляже, и показывает

ее Антонии.

– А ты не смей говорить мне, что будет справедливее, если имя этого мальчика появится в утренних программах. Если эти волки искромсают каждый кусочек его жизни, когда она станет *трендом* в «Твиттере». Если его сестренка будет расти, постоянно вспоминая об этом кошмаре. Возможно, какой-нибудь другой девочке и позволили бы со временем все забыть. Но эта девчушка, – Ментор постукивает по фотографии указательным пальцем, – дочь председательницы самого крупного банка Европы. Ей никогда не позволят забыть. В каждом репортаже, на каждой фотографии с ней, будет значиться неизменное определение «пережившая трагедию». Ты бы хотела такого для своего ребенка?

Ментор замолкает и смотрит на Антонию, изображая на лице неподкупную честность.

Джон тем временем даже заплодировать готов.

А этот мерзавец умеет просто превосходно манипулировать. Его ложь настолько похожа на правду, что и не отличишь. Теперь понятно, что он имел в виду, говоря про свою философию говнизма. Этот тип наступил бы на горло собственной умирающей бабушке, лишь бы добиться своего.

– Погоди, а у тебя что, есть ребенок? – спрашивает Джон, когда до него доходит смысл последней услышанной фразы.

Антония молчит, неотрывно глядя Ментору в глаза.

– Скажи мне, что тот, кто сделал это, больше никого не убьет, – мягко говорит Ментор.

Антония делает глубокий вдох. И после долгой паузы начинает медленно-медленно говорить:

– Тщательно спланированное похищение. Кровавое убийство, совершенное с особой жестокостью. Тот, кто сделал это, наделен исключительным умом, и да, он будет продолжать убивать. Это только начало.

– Мы имеем дело с серийным убийцей? – спрашивает доктор Агуадо.

– Нет, – отвечает Антония. – Тут нечто иное. Этот зверь другого рода. Такого я раньше никогда не видела.

За три часа до этого

Карла открывает дверь «порше». Мужчина бросается на нее, но не успевает. Дверь захлопывается за спиной, словно голодная пасть, но Карла уже снаружи, она падает ладонями на землю. Твердо стоять на ногах не получается, плоские подошвы туфель скользят по неровной поверхности.

Не падай, только не сейчас.

Если упадешь, он тебя поймает.

Карла спотыкается, мышцы ослабли после стольких часов сидения в машине, но ей удастся собрать необходимые силы для бег. Шаг, еще шаг – это все, что нужно делать, бежать, как можно дальше отсюда. К ней тянется рука.

Внезапно слышится треск.

Тело Карлы словно парализует, воздух застревает в горле.

Пальцы мужчины вцепились в ее шарф (то, что она услышала, – был треск рвущейся ткани, а не хруст шеи, как она с ужасом подумала). Ее тянут назад.

Карла делает резкий поворот вокруг своей оси. По воле случая она поворачивается слева направо, по часовой стрелке, и ее тело оказывается на свободе, а шарф остается в руках человека с ножом. Тот бросает его на землю и бежит за ней вдогонку.

– Иди сюда, – слышится за спиной утробный голос.

Карла обегает фургон с Мэгги (услышав ее шаги, лошадь тут же начинает ржать) и бросается в обратном направлении, оставляя преследователя по ту сторону прицепа. С другой стороны только шоссе, идти некуда, да и далеко ей не убежать в этих туфлях на плоской подошве, можно сказать, сандалиях. Снять их – тоже не выход. На дороге полно песка и камней, пыльно и сухо. Без туфель она бы стерла ноги в кровь за считанные секунды, и ее преследователь – сильный, длинноногий, в устойчивой обуви – сразу бы ее догнал.

В Конном центре горит свет.

Посмотри туда, идиотка,

слышит она голос в своей голове, и это голос ее матери, хотя такого быть не может, потому что ее мать умерла один-

надцать месяцев назад.

Карла бежит, оставляет позади себя машину и вдруг видит впереди светящийся жезл, как раз на пути к Конному центру. Непонятно, как он смог оказаться здесь так быстро. Она вновь меняет направление, бросается с обочины дороги к деревьям, тут же чувствует, как ветки кустарника больно хлещут ее по икрам, и жалеет – не в последний раз, – что надела сегодня платье, а не джинсы.

Слишком поздно. Ткань цепляется за ветку, и Карла летит вперед, взмахивая руками. Падение останавливает ствол дерева, на который она налетает лицом. Слышится хруст. Она не может сдержаться и испускает стон.

Из носа идет кровь. Хлещет.

Я его сломала. Боже, как больно.

Она стискивает зубы.

Иди дальше.

За спиной раздаются шаги мужчины – тяжелые, неумолимые; он заходит в лес. Но теперь у Карлы есть преимущество: расстояние в несколько метров и темнота, благословенная темнота. Она прячется за деревом – каменным дубом, – чувствует спиной его морщинистую плотную кору. Руки перепачканы в смоле, в ноздри льется пряный древесный за-

пах. Она пытается сообразить, что делать дальше.

Я позвоню в полицию.

Но телефон остался в машине, под сиденьем

*Я возьму палку и неожиданно на него нападу, застану его
врасплох.*

Он гораздо выше тебя

*Тогда я добежу до прищепы, сяду верхом на Мэгги, прищипо-
рю ее и поскачу быстрее ветра.*

Он отрежет тебе дорогу раньше.

*И к тому же тебе нужно будет время,
чтобы открыть задвижку
и помочь Мэгги выйти. И даже если
тебе удастся забраться на нее без седла
с первого раза, не соскользнув,
даже если тебе удастся
удержать равновесие, он может
сесть за руль «порше» и догнать тебя
гораздо раньше, чем ты отыщешь в темноте
главную дорогу.*

Голос, похожий на голос ее матери, не оставил ей выбора.

*Ты должна идти к Конному центру
и просить помощи.*

– Иди сюда, – повторяет мужчина. – Иди сюда.
Все ближе и ближе.

Луч фонарика, словно хищное щупальце, рыскает среди деревьев.

Карла наклоняется и вслепую ощупывает землю. Почва. Сухие ветви, раздирающие ей пальцы. Нечто густое, что она предпочитает оставить неопознанным. Шишка – нет, не годится. Наконец ее рука сжимает маленький пористый камень.

Человек с ножом уже совсем рядом с ней. Она даже слышит его хриплое прерывистое дыхание.

Карла бросает камень в противоположном направлении, как можно дальше. Получается не очень. Стук раздается на ничтожно малом расстоянии.

Это единственное преимущество, что у тебя есть, используй его.

Человек с ножом поворачивается, и луч фонарика теперь жадно исследует пространство ближе к прицепу. Карла решает снять туфли, она знает, что будет больно, очень больно,

но так ей легче будет идти бесшумно, а сейчас это единственный шанс спастись. Пригнувшись, она начинает двигаться в сторону Конного центра. Каждый шаг становится душевной пыткой; ей кажется, что любое ее движение отдается эхом по всему лесу, так и зазывая преследователя: *я здесь, лови меня*.

К душевной муке присоединяется физическая боль, когда сосновые иголки, плотным ковром лежащие на земле, начинают впиваться в подошву и в нежную чувствительную кожу между пальцами. Парадоксальным образом *всю* – общую, накопившуюся боль вытерпеть оказывается легче, чем боль сиюсекундную, от каждого конкретного укола. И Карла позволяет адреналину взять над собой верх. Как порой случается в моменты сильнейшего стресса, ее сознание наполняется абсурдной ясностью и Карла мысленно переписывает фразу, выученную в университете.

Один укол – трагедия, тысяча уколов – статистика.

Через двадцать метров деревья заканчиваются, а там уже рядом стены Конного центра, совсем рукой подать, за склоном, заросшим сухими кустарниками и заваленным остатками строительных материалов.

Там нет прохода. Нет дверей.

Тебе нужно будет обойти с другой стороны.

Но мне нигде будет прятаться. Он меня увидит.

Рядом с ближайшим к ней углом стены лежит несколько металлических балок и мешков песка. Если она до них добегит, то сможет использовать их как укрытие, прежде чем свернуть за угол.

Метров восемьдесят. Может, меньше. В университете ты пробегала их за двенадцать секунд. Победный спринт, руки согнуты под прямым углом, пальцы вытянуты, ветер в лицо.

Карла ощупывает свои босые стертые, израненные ноги. Выдергивает несколько иголок, не все, некоторые слишком глубоко ушли под кожу и сломались, ей нужен будет пинцет, чтобы их вытащить, а еще горячая ванна, антисептик и куча пластырей.

Когда я буду дома. Когда я буду дома. Я буду сегодня дома. Я смогу сегодня обнять сына.

Она чуть приподнимается и оглядывается: человека с ножом и след простыл. А вдруг она упустила его из вида? А вдруг он устал и пошел домой? А «вдруг не станешь друг».

Медленно, осторожно ступая, она выходит на дорогу и тут же каждой клеточкой своего тела понимает, что коварный настил из сосновых иголок – это просто рай по сравнению с этой каменистой почвой, от которой подворачиваются ло-

дыжки, а в мозг врываются сигналы резкой боли, едва ее кожа соприкасается с пористыми острыми камнями. Каждый шаг – это три этапа боли. Первый этап – предчувствие боли, когда она только заносит ногу. На втором этапе она чувствует боль от уже имеющихся ран, когда ее нога лишь слегка касается поверхности земли. И, наконец, третий. Настоящая, реальная боль, когда она опирается на ногу всем своим весом и когда ей приходится изо всех сил стискивать зубы, чтобы не закричать.

Еще пятьдесят метров.

Двадцать метров.

У меня получится.

И в этот момент до сих пор неподвижный, направленный на стену свет от фар «порше» начинает двигаться. Карла ускоряет шаги, черпая последние силы из глубины своего непоколебимого, почти физического желания быть сегодня снова дома рядом с сыном.

Машина трогается с места, и фары освещают Карлу в тот момент, когда она добирается до мешков с песком. Она прячется за ними, приседая на корточки.

Он меня не видел. Он не мог меня видеть.

Машина подъезжает ближе и останавливается.

Карла слышит, как открывается дверь.

– Иди сюда, – говорит человек с ножом. Он от нее максимум метрах в шести. – Иди сюда, а иначе я выведу твоего коня и отрежу ему голову.

Это кобыла. Кобыла. Ее зовут Мэгги.

Карла сворачивается в комок, прижимается головой к мешкам с песком, словно пытаясь слиться с ними и исчезнуть. Но нет, такого не произойдет.

— Иди сюда, — повторяет человек с ножом. — Прямо сейчас. Или я отрежу голову твоему коню.

Карла сжимает кулаки и кричит от страха и отчаяния.

Не делай этого. Это всего лишь лошадь,

говорит голос ее матери.

Я не могу позволить ему причинить ей боль. Она часть нашей семьи.

она встает на ноги, а человек с ножом уже совсем рядом, он склоняется к ней, хрипло дыша, протягивает свои сильные руки, и Карла чувствует, как к ее шее прикасается металл, и мир вокруг исчезает.

14

Фургон

– Ладно, – говорит Джон. – Начнем с того, что нам известно.

Джон и Антония сидят в МобЛабе, сверяя свои заметки, в то время как доктор Агуадо (уже без комбинезона, в обычных джинсах и свитере) работает на своем макбуке. Она слушает в наушниках музыку на очень высокой громкости, какой-то иностранный рок – Джон точно не может определить.

Внутри фургона достаточно места для того, чтобы четверо могли спокойно работать. Через открытую дверь Джон видит, как Ментор организует команду из трех человек в синих комбинезонах: те только что приехали в точно таком же черном фургоне без окон. Они вытаскивают металлические ящики и пластиковые пакеты, а затем складывают их кучей на белой плитке тераццо перед гаражом особняка. Хоть Джон и не прислушивается к тому, что Ментор им говорит, и так понятно, какое задание будет дано новоприбывшим: убрать все следы того, что произошло в доме.

– Мальчик исчез в школе до окончания уроков. Родители почти сразу же обратились за помощью, не привлекая к делу всеобщего внимания.

– Убийца говорил с ними, – добавляет Антония. – А после этого и до вчерашнего утра, когда труп мальчика как по

волшебству оказался в родительской гостиной, – ничего. С чего бы ты начал, если бы это было одним из расследуемых тобой дел?

Джон горько улыбается. Дела, которые он расследует, – это поножовщины на почве наркотиков, пропавшие проститутки (хорошо, если просто ушли на другие пастбища, а не в мир иной); машины, угнанные тут и обнаруженные там (уже сгоревшими). Дерьмовые жизни – дерьмовые поступки.

– Я такие дела обычно не расследую.

– Хотя бы попробуй.

Инспектор Гутьеррес набрасывает список. Финансовые отчеты родителей; выписки по счетам и кредитным картам; родственники, друзья, окружение; телефон, компьютер парня; допрос потенциальных свидетелей. Вот с чего бы он начал.

– Все это бесполезно, – заявляет Антония. – Его родители – не обычные люди. Их финансовые отчеты поглотили бы нас на несколько месяцев. Свидетелей нет, кроме учителя, который говорит, что мальчик ушел с урока в туалет.

– Возможно, кто-то что-то видел, но не рассказал. Мало ли. Мы могли бы пойти в школу.

Антония показывает на улицу, туда, где Ментор, жестикулируя, дает распоряжения.

– Он тебе не позволит. Мы так не работаем. К тому же, если мы приедем в школу, то уже спустя шесть минут какой-нибудь ученик выставит нашу фотографию в «Инста-

грам». А спустя пятнадцать минут появятся журналисты.

Джон с досадой хлопает себя по бедру.

– Секретность не поможет найти убийцу мальчика. Так дела не делаются.

– Это в полиции так дела не делаются. Но мы не полиция. Полиция медлительна, надежна и предсказуема. Она как слон, который наклоняет голову, намечает себе цель и идет к ней, все считая на своем пути. Мы – другое дело.

А я вот полицейский, думает Джон. Медленный, надежный. Но я не слон, я же не толстый.

Он переводит взгляд в ту же сторону, что и Антония: та вновь показывает ему на дверь МобЛаба и на ждущего снаружи человека, который теперь говорит по телефону.

Разочарованный Джон не хочет с ней соглашаться. Ему словно привязали к ногам гири и кинули прямо в одежде в Нервон.

– Не уверен, что хочу играть в вашу игру.

– А я тебя ни о чем не просила, – говорит Антония. – По мне, так можешь уйти в любой момент.

– Да я бы с радостью.

– Если ты сейчас здесь, то лишь потому, что совершил ошибку.

Возможно, даже мышь, над которой с гулким щелчком захлопнулась ловушка и которая лежит с проломленной спиной, так и не добравшись до сыра, могла бы лучше, чем Джон, понять ту злую шутку, что судьба решила с ней сыг-

рать.

– Ладно. Значит, мы не слон. А кто мы тогда?

– Мы берем то, что у нас есть, и выкручиваемся.

– А что у нас есть?

Антония вновь прокручивает в голове все имеющиеся элементы один за другим. Труп, над которым ловко поработали, не оставив при этом следов. Нарочитая театральность преступления. Вещи из дома, которые убийца использовал для исполнения своего извращенного замысла.

Она представляет, как убийца усаживает тело на диван, как он движется, словно тень, действуя с невероятной точностью. Как он проникает в закрытый охраняемый район и затем незаметно уходит.

– Когда один человек убивает другого, это всегда чревато жутким беспорядком, – говорит Антония. – Повсюду кровь. Опрокинутые стулья, сломанная мебель.

А еще выбитые зубы, стекла и разбросанные бутылки, думает Джон. Он-то не раз видел, что бывает, когда человек человеку волк.

– Но сейчас у нас обратный случай. Ты сказала, что мальчика убили где-то в другом месте и поэтому нет никаких следов.

– Ни отпечатков, ни волос, ни текстильных волокон. Да и паспорта на кухонном столе он не оставил.

– Это было бы очень мило с его стороны.

– Но ты ошибаешься, кое-что у нас все-таки есть. Мы зна-

ем, что он оставил некое послание, ну или хотя бы у нас есть веские причины так думать. Масло на волосах мальчика.

– Двадцать третий псалом. Религиозный мотив?

– Не знаю. Но очевидно, что он очень старался донести это послание и у него получилось не допустить при этом ошибок. И именно этот факт и позволяет нам сделать о нем некоторые выводы. Вот взгляни.

Антония открывает на своем айпаде фотографию и показывает ее Джону. Не слишком-то милый кадр.

– Какой-то старый случай? – спрашивает Джон, стараясь не отвести тут же взгляд.

– Из самых первых.

На фотографии запечатлена мертвая женщина в спальне. Постельное белье разворошено и запачкано темными пятнами. Лицо жертвы накрыто наволочкой.

– Серийный убийца. Это было в Севилье несколько лет назад. Когда мы его поймали, на счету у него были три жертвы. Эта третья, но все убийства были друг на друга похожи. Убийца был хозяином придорожной закусочной в Эсихе.

– Как же, Ножничный Убийца. Помню-помню. То есть это ты его поймала? – спрашивает Джон, внезапно проникаясь уважением.

В ответ Антония загадочно улыбается, будто Мона Лиза.

– Со времен института у него были судимости за сексуальное насилие и жестокое обращение. Ужасные истории, и тем не менее он оставался на свободе.

– До тех пор, пока этот ангелочек не решил поднять планку.

– Он был хитрым типом. Заметал следы насколько это было возможно и поэтому сумел перейти от первой жертвы к последующим. Если в Испании не так много серийных убийц, так это потому, что большинство из них допускают ошибки и их ловят, прежде чем они переходят к жертве номер два. Этот был умен. И тем не менее посмотри на этот снимок.

– Кошмар.

– Полный хаос. Когда он добивается объекта своих желаний и наслаждений, его охватывает неистовость. Порезы на ее теле сделаны неровно: он явно колеблется, прежде чем вонзить в нее ножницы. А когда дело сделано... его терзает чувство вины и угрызения совести.

– И поэтому он накрывает ей лицо, – говорит Джон, показывая на фотографию.

Антония дотрагивается до руки доктора Агуадо. Та снимает наушники и вопросительно смотрит.

– Будьте добры, покажите нам на экранах фотографии с места преступления.

Судмедэксперт кивает и щелкает мышкой. Секунду спустя на всех семи тридцатидюймовых мониторах, покрывающих одну из стен МобЛаба, начинается слайд-шоу из фотографий, сделанных Агуадо. Гостиная, комнаты и, разумеется, диван с сидящей на нем жертвой.

– Что ты видишь? – спрашивает Антония.

– Нет ни чувства вины, ни угрызений совести.

Антония замолкает. Ее взгляд застывает на фоторяде – только зрачки перескакивают с одной фотографии на другую. Джон терпеливо ждет, но при этом чувствует, что что-то не так. В глазах Антонии вновь появился тот самый дрожащий блеск, как тогда, когда она осматривала труп, сидя на корточках в гостиной.

– С тобой все в порядке?

Спустя целую вечность Антония, кажется, наконец слышит вопрос Джона. Но отвечает она на другой вопрос – тот, что задает себе сама.

– Это все сделано специально, – говорит она. – Это все не из-за...

Она говорит все медленнее и постепенно замолкает на середине фразы.

Как будто батарейки сели, думает Джон.

Доктор Агуадо тут же оказывается между ними и что-то протягивает Антонии. Та отстраняет ее руку.

– Нет. Мне надо подумать.

– Так будет легче.

– Я сказала нет. Уходите.

– Сеньора Скотт...

– Я сказала уходите, – говорит Антония твердым, царапающе-резким голосом. Словно алмазом по стеклу.

Доктор Агуадо встает и от явной неловкости принимается

разглаживать складки на джинсах и вытягивать рукава свитера.

– Пойду узнаю, нужна ли Ментору помощь.

Джон дожидается, пока она выйдет из фургона, и только тогда придвигает свой стул вплотную к Антонии.

– Ты сказала, что все это сделано специально.

Антония смотрит на него, и по ее взгляду видно, как сложно ей облечь мысли в слова.

– Сам мальчик тут ни при чем. Это все затевалось ради другого. Ради власти.

– Власти? В каком смысле – власти?

– Убийца считает, что он все продумал. Но он ошибается.

Он нам оставил два... два...

– Два чего?

Антония опускает голову. А когда вновь поднимает взгляд на Джона, по ее щекам катятся крупные слезы.

– Мне очень жаль. Я думала, что смогу. Но я не могу.

С этими словами она встает и выходит из фургона.

15

Самолет

Это всего лишь точка на утреннем небе.

Бомбардье «Глобал Экспресс 7000» вылетел из аэропорта Ла-Коруньи еще затемно, а снижение по направлению к Мадриду по плану должно начаться, как только рассветет. Впрочем, хозяин самолета – он же единственный пассажир на борту – увидит солнце в иллюминаторе раньше, чем жители испанской столицы.

– Сеньор, осталось две минуты, – сообщает ему по интеркому пилот.

Рамон Ортис не отрывает взгляд от бумаг, которые ассистент передал ему на трапе: там отчет о продажах за вчерашний день, проблемы с открытием нового магазина в Сингапуре и другие менее значительные вопросы. Он не может за всем следить, как ему хотелось бы, однако при этом он пустил слух – в который сам же затем поверил – будто ни одна, даже самая мелкая деталь не ускользает из-под его контроля. Ему нравится внезапно появляться в своих магазинах или неожиданно туда звонить, просить позвать менеджера (чье имя ему сообщают заранее) и затем болтать с ним обо всяких пустяках. Он знает, что тот расскажет потом об этом всем своим коллегам. Чтобы создать миф, много не надо.

К своим восьмидесяти трем годам Ортис преодолел длин-

ный путь от сопливого мальчишки, который, чтобы добраться от школы до дома, проходил пять километров по заснеженной дороге, неся ботинки в руках, – лишь бы не испортить. Потому что других не было.

Путь от жесткой кожи тех ботинок до мягкой обивки из кордована, покрывающей сиденья его частного самолета, занял немало дней. Рамон оценивающе проводит ладонью по подлокотнику, впрочем, не без некоторой неловкости. Обивка превосходна, сомнений нет. И все же чрезмерная роскошь – даже после стольких лет – все еще остается ему чуждой. Как будто все это ему одолжили. Это его дочь Карла настояла на том, чтобы обить сиденья именно этой кожей, чтобы они были как диван «Честерфилд», который до сих пор стоит у него дома вот уже сорок лет – со времен открытия его первого магазина.

Рамон недовольно поморщился, когда узнал, что к счету за самолет в тридцать пять миллионов евро должны прибавиться еще сто тысяч. Но с Карлой спорить бесполезно. У нее на все один ответ:

– Ладно-ладно, ты станешь самым богатым человеком на кладбище.

И так, конечно, и будет. Вне зависимости от того, где его похоронят.

– Одна минута, сеньор, – говорит пилот.

Рамон дал ему указание всегда сообщать о восходе солнца. Он не хочет пропустить этот момент, будучи полностью

поглощенным работой. Пилот, конечно, использует маленькую хитрость: самолет слегка набирает высоту, чтобы предсказание исполнилось с точностью до секунды. Таково еще одно преимущество самого богатого человека на земле (пока он еще на ней, а не под ней): возможность выбирать момент рассвета.

Он снимает очки для чтения, оставляя их висеть на шейной цепочке, и откидывается на спинку кресла, готовясь к зрелищу. Однако его тут же отвлекает вибрация на столике из красного дерева. Звонит его личный мобильный телефон, который подключен к вай-фаю благодаря бортовому устройству спутниковой связи. Дополнительные пятьдесят тысяч евро расходов и плюс к этому – пятьдесят евро за минуту разговора. Еще одна трата, на которую он согласился.

– Ты ведь не захочешь пропустить в полете важный звонок? – сказала ему тогда Карла.

Поскольку этот номер известен лишь очень узкому кругу людей, Рамон знает, что если на него звонят – значит, это что-то важное. Поэтому он с сожалением отводит взгляд от иллюминатора.

Звонят через ФейсТайм, без видео. С экрана его приветствует фотография Карлы. Странно, обычно она так рано не просыпается и уж тем более не звонит ему в такой час.

Он берет трубку.

– Что это ты не спишь в такую рань?

Голос, звучащий в ответ, – не Карлы.

– Доброе утро, сеньор Ортис.

– Кто это? Откуда у вас этот номер?

Низкий хриплый голос объясняет ему в мельчайших подробностях, откуда у него этот номер и почему он звонит через ФейсТайм его дочери.

– Послушайте, если вы хоть что-то ей сделаете...

– Уже сделал, сеньор Ортис. И сделаю еще. И вы не сможете мне помешать. А сейчас помолчите, – перебивает его незнакомец.

И Рамон Ортис слушает. И когда восходит солнце и озаряет его лицо, он этого не замечает, потому что внутри у него все погружается во тьму. И когда человек, похитивший его дочь, прерывает звонок, Рамон Ортис впервые в жизни не знает, что ему делать.

– Пять дней, – последнее, что он услышал.

Пять дней.

Несколько долгих минут Рамон Ортис ломает себе голову. Из-за нервного напряжения он даже не замечает, что они уже приземлились и что пилот приглашает его к выходу.

Рамон принимает решение. В своей записной книжке он ищет один номер. Номер, который так же, как и его собственный, очень мало у кого есть.

Он никогда не думал, что этот номер ему однажды придется набрать.

Больничная койка

Бабушка Скотт разочарована.

А Антонии все равно.

– Я разочарована, девочка, – говорит бабушка Скотт.

– А мне все равно, – отвечает Антония, не отрываясь от подпиливания ногтей.

Она находится в 134-й палате клиники «Монклоа». Айпад лежит на столе, а Антония пытается привести в порядок ногти, насколько это возможно. С освещением в 134-й палате дело обстоит не очень: либо тебе полумрак, словно из девятнадцатого века, либо выжженные глаза. К счастью, Антония привыкла рассчитывать на собственные средства: из дома она привезла настольную лампу. На самом деле она привезла и много всего другого. Для начала почти всю свою одежду. А также комод, утюг, кофеварку Nespresso и неопределенное количество косметики и предметов гигиены – ими теперь почти полностью заставлен пол в ванной. Пройтись по нему – все равно что сыграть в сапера, разве что с антицеллюлитными кремами.

Но ведь Маркос туда в ближайшее время не зайдет.

– Тебе нужно развеяться.

– Мы говорили про один вечер.

– Не помню я, что мы там говорили, – врет бабушка

Скотт. – Но если ты так и будешь замыкаться в себе, ничего хорошего из этого не выйдет.

Когда ведешь с кем-то видеобеседу и при этом подпиливаешь ногти, преимущество в том, что ты можешь спокойно отвести взгляд и собеседнику ничего с этим не поделать.

– Я в порядке.

Это ее мантра с детства. Будучи из тех, кто все вокруг замечает (неверность отца, болезнь матери, которую та скрывала до тех пор, пока только и оставалось, что ее оплакивать; неловкость, что испытывал каждый, кто оказывался рядом с ней, маленькой странной девочкой), она всегда на удивление легко держала все в себе.

Правда, сейчас она говорит с бабушкой Скотт. А от бабушки мало что можно скрыть. Она настолько проницательна, что способна прийти к следующему заключению: проводить почти все время в больничной палате своего коматозного мужа, не иметь при этом источников средств к существованию и ни с кем не общаться – плохо для ее внучки. И ведь она сама это поняла, без чьих-либо подсказок.

Вот она, мудрость старейшин.

– Смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой, девочка.

– У меня тут с ногтями беда, – отвечает Антония, которая допилила уже почти до костей.

В какой-то короткий, но сладостный миг Антония думает, что бабушка сейчас сменит тему. Но нет. Она замолчала лишь для того, чтобы отхлебнуть чая дарджилинг (с тре-

мя кусочками сахара) и проглотить масляное печенье. У нее диабет, но она живет по своим правилам.

— Уже прошло немало времени. Я терпела твои отговорки, твое самобичевание, твои слезы. Все, хватит. У тебя есть работа, в которой ты сильна. И благодаря которой ты можешь что-то изменить. Интересная работа.

Если бы все было так просто, думает Антония.

В одном бабушка права. Антония когда-то и представить не могла, что будет делать то, что делает (то есть делала раньше). Еще в школе не одно сложное задание не могло ее надолго увлечь. Любая отрасль знания, за которую она бралась, уже через пару недель становилась жутко скучной. В отличие от большинства сверходаренных учеников, тяготеющих к точным наукам вроде физики или математики, где ярче всего проявляются их интеллектуальные способности, Антония числа никогда не любила. Не потому, что они ей не давались. Она могла вычислить в уме за пару секунд квадратный корень из девятизначного числа.

В этом сложном возрасте, когда тело меняется, а мир вокруг становится огромным, многие люди думают, что никогда не смогут быть любимы. Антония, конечно, была в их числе. Но помимо этого она также переживала, что никогда не сможет найти занятие, которое ее действительно поглотит, которое заставит ее направить все свои умственные и душевные силы на выполнение определенной задачи.

Первое ее опасение не оправдалось: она встретила Мар-

коса.

Второе тоже: она встретила Ментора.

В обоих случаях это была история любви – хоть и разной. Маркос дал ей самую любовь, а Ментор – нечто, что она смогла полюбить. И разумеется, где любовь, там и огромные, нескончаемые страдания.

Те, что причиняешь ты, и те, что причиняют тебе.

– Бабушка, – говорит Антония, отложив наконец в сторону пилку и жидкость для снятия лака. – Я честно попыталась. Но это слишком тяжело. Прямо изнутри разрывает.

– Раньше ты могла.

– Раньше – это раньше, а сейчас – это сейчас.

– Когда это случилось с Маркосом...

– Это не само по себе случилось, бабушка.

– Перестань, – говорит бабушка Скотт, приподнимаясь с места и тряся перед экраном указательным пальцем. Решительно и грозно. Правда, при этом она не вполне понимает, где находится камера, и обвиняющий палец направлен не в ту сторону, так что эффект немного теряется. – Это не ты стреляла.

– Но все равно я виновата.

– Нет, неправда. Я понимаю, что то, что произошло с Маркосом, полностью выбило тебя из колеи. Но ведь нужно жить дальше. Не хочешь возвращаться на прежнюю работу? Прекрасно. Найди себе другую.

Антония не представляет себя ни в качестве официантки,

разносящей кофе в каком-нибудь баре, ни в качестве преподавательницы языкознания – в соответствии со своей блестящей ученой степенью филолога, которую она получила исключительно для того, чтобы обрести свободу от отца.

Вот и остается теперь делать невозможный выбор.

Противопоставление, конфликт, альтернатива, сомнение, дилемма, тупик. Для этого-то и нужно филологическое образование. Благодаря ему ты можешь назвать кучу всяких синонимов для определения дерьмовой ситуации.

– Бабушка... – начинает было Антония.

И тут же замолкает, потому что возразить-то ей на самом деле нечего. Потому что каким бы пустым ей ни казалось ее существование, нужно продолжать жить. Знать бы только как.

– Уже прошло немало времени. Хватит прятаться ото всех, – договаривает бабушка.

И прерывает связь. Ее изображение исчезает с экрана айпада, и перед Антонией остается лишь собственное смущенное и растерянное лицо. Как раз то, что ей хотелось бы сейчас видеть в последнюю очередь.

Она выключает планшет. В последние три года ей как-то не очень нравится собственное лицо. С наступлением вечера она старается по возможности не смотреться в зеркало.

Уже прошло немало времени.

Антония разглядывает лежащего на кровати мужчину. Лицо, которое отличалось когда-то столь заостренными чер-

тами, что от одного взгляда на него можно было порезаться, превратилось теперь в безжизненно-бледную восковую маску. Волосы – когда-то черные, длинные, густые – теперь блеклые и такие жидкие, что разлетаются от малейшего дуновения. Губы, те самые губы, которые, едва прикоснувшись к ней, вызывали *kilig* (слово, означающее на тагальском языке «ощущение порхающих в животе бабочек в момент счастья») теперь сухие и потрескавшиеся. А от его некогда твердых и жилистых мышц осталось лишь жалкое подобие, на которое больно смотреть.

Антония берет его руку и успокаивается.

Руки остались прежними. Они уже не орудуют резцом, не откидывают с ее лица непослушную прядь волос, не сжимают ее груди, не укутывают ее, когда она скидывает во сне одеяло – но это те же самые руки. Узловатые пальцы, квадратные ладони. Руки мужчины, руки скульптора.

От него, от ее любимого Маркоса, по которому она так тоскует, остались лишь эти руки и сильное сердце. Сердце, продолжающее выбивать 76 ударов в минуту. Иногда она подолгу смотрит на электрокардиограф, слушает это бесконечное удручающее *бип-бип-бип* до полного изнеможения, пока ее не одолевает сон и она не засыпает на кушетке, ставшей ее единственной постелью за последние тысяча сто шестнадцать ночей. Затем, с наступлением дня, Антония возвращается в свою квартиру, из которой она вынесла абсолютно все, что напоминает ей о муже. Чтобы побыть одной и выполнить

свой ритуал. Ритуал, позволяющий ей оставаться в здравом уме. Три минуты в день, только три минуты, в течение которых она позволяет себе подумать об освобождении – от страданий, от вины и от оков своего неординарного склада ума.

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день. После предыдущей бессонной ночи у нее нет ни сил, ни желания идти домой, чтобы потом снова возвращаться к Маркосу, так что она решает выполнить свой скудный норматив по самоуспокоению прямо в палате.

Она снимает туфли.

Садится на пол в позу лотоса.

Закрывает глаза.

Выдыхает.

В дверь стучат.

Сэндвич микст

– Как-то ты плохо выглядишь.

Инспектор Гутьеррес стоит, улыбаясь, на пороге палаты. В руке у него пластиковый стакан с кофе из автомата. Элегантный итальянский костюмчик из тонкой шерсти настолько помят, что кажется, будто шерсть так и не состригли с овцы. Волосы на макушке стоят торчком. Выглядит Джон как человек, который спал в машине, потому что он и правда спал в машине.

– Как ты меня нашел? – спрашивает Антония.

– Я, может, и не самый умный человек на свете, но все же я как-никак полицейский.

– Я просто хочу побыть одна.

– А я просто хочу с тобой поговорить.

– Тебе нельзя сюда заходить.

– А я и не собирался. Ненавижу больницы.

– Никто не любит больницы.

Антония захлопывает дверь у него перед носом.

Джона так и подмывает постучать снова, но все же ему хватает ума сесть и подождать ее на скамье рядом с кулером. Он решает скоротать время за чтением плаката, напечатанного изящным шрифтом Comic Sans. Плакат сообщает о том, что внутрибольничные инфекции являются третьей по ча-

стоте причиной смерти в Испании, и призывает пользоваться настенным диспенсером с антисептическим гелем. Джон нажимает на рычаг диспенсера, который – ну разумеется – оказывается пуст.

Антония выходит через несколько минут. Она надела туфли и перекинула через плечо свою сумку-почтальонку.

– Пошли в кафетерий.

Джон молча следует за ней вниз по лестнице. У полицейских есть свои уловки. Например, когда последние три ночи ты спал в среднем по три часа пятнадцать минут, можно предоставить возможность говорить другим.

Антония садится за стойку. Официант встречает ее дежурной улыбкой, как, видимо, всех завсегдатаев, и молча приносит ей банку диетической кока-колы и стакан с одним-единственным кубиком льда.

– Что для вас? – спрашивает он Джона.

– То же самое, только с чистым стаканом, пожалуйста.

Официант бросает на него убийственный взгляд и тщательнейшим образом осматривает вынутые из посудомоечной машины стаканы, чтобы выбрать самый мутный.

– Принеси нам два микста с яйцом, Фидель.

– Ты всегда здесь ешь? – спрашивает ее Джон.

– Ужинаю всегда. Обедаю обычно дома.

Инспектор вспоминает валявшиеся у входа в ее квартиру контейнеры с засохшими остатками пищи и брезгливо морщится. Когда приносят сэндвич микст, Джон убеждается в

том, что эта больница верна своим традициям. Сервировочную доску, судя по всему, не мыли с церемонии открытия.

– Немного овощей тебе бы не повредило.

В ответ Антония лишь саркастически обводит взглядом все его сто девятнадцать килограммов, под которыми потрескивает табуретка. На это требуется время.

– Я не толстый, а просто крепкий. Хотя я кое в чем тебе признаюсь, – говорит Джон, понижая голос, словно собираясь открыть ей великую тайну. – Я люблю поесть.

– А я вот к еде равнодушна. У меня аносмия.

Джон вопросительно поднимает брови.

– Это значит, что у меня отсутствует обоняние.

– То есть как, вообще, что ли? Это как при насморке?

– У меня это врожденное. Я чувствую только очень ярко выраженные вкусы, напριме, сладкого или соленого. А все остальное для меня на вкус как картон.

– А когда ты режешь лук? Ты не плачешь?

– Плачу, как и все. Тут дело не в запахе, просто при нарезании лука выделяется сера и ее молекулы вступают в реакцию со слезистой глаз, образуя при этом серную кислоту.

– Ни хрена себе! – говорит инспектор. На полном серьезе. И будучи добродушным простаком, не особо-то размышляющим в моменты умиления, он берет и, сам того не замечая, сжимает руку Антонии своей огромной лапищей.

Джон не то чтобы большой фанат видео с котиками, но некоторые ролики его забавляют: а именно, те, в которых

придурочные хозяева незаметно кладут позади кота огурец, а кот, обернувшись, в ужасе подпрыгивает на полметра. Он инстинктивно путает огурец со змеей.

Реакция Антонии на прикосновение Джона примерно такая же. Табуретка с грохотом валится на пол. Полдюжины посетителей кафетерия поворачиваются в их сторону.

– Прошу прощения, – пытается извиниться Джон. Он наклоняется поднять опрокинутую табуретку одновременно с Антонией, и они сталкиваются лбами.

Идиот, идиот, идиот. Тебе же сказали никогда до нее не дотрагиваться.

– Никогда до меня не дотрагивайся, – говорит Антония, хватаясь за ушибленное место. – Господи, какой же у тебя крепкий лоб, я как будто об стенку ударилась.

– Каждый использует голову по-своему. Я вот своей вышибаю двери.

– Да я уж поняла.

Фидель приносит несколько кубиков льда, завернутых в салфетку. Только для нее, разумеется. Джону тоже больно, но из гордости он решает для себя не просить.

Кажется, случившийся инцидент не отбил у нее аппетита. Прикладывая одной рукой ко лбу лед, она продолжает уминать свой сэндвич. А заодно и картошку фри, которую принесли в пакетике в качестве гарнира. И заказывает себе еще кока-колы.

Тактика промедления. Она ждет, что я начну говорить,

думает Джон. *Но в соревновании по упрямству выиграть у баска не так-то просто.*

И он тоже молчит, интеллигентно откусывая от своего жирного сэндвича по маленькому кусочку.

– Ладно, что ты хочешь? – спрашивает Антония, устав ждать.

– Эх, детка, если честно, я хочу вернуться домой к матери, которая меня уже достала сообщениями в «Ватсапе» про то, что мне нужно приехать и помочь ей передвинуть комод. Каждый раз, когда я вижу ее статус *Печатает...* я уже заранее знаю, что примерно через полчаса получу нагоняй.

– Она болеет?

– Разве что чрезмерной привязанностью ко мне. Хочет, чтобы я отвел ее в «Бинго Аризона»¹³. А то одной ей там стыдно выкрикивать номера.

– Ну, поскольку я не собираюсь продолжать расследование, твоей маме недолго осталось по тебе скучать.

Джон кивает, устало улыбаясь.

– Твой друг конспиратор меня отпустил, – говорит он.

И это правда. Ментор сказал ему, что он больше не обязан оставаться. Правда, кое-что к этому добавил. И это кое-что полностью меняет дело.

Антония смотрит на него с подозрением.

– Тогда зачем ты пришел? Попрощаться?

¹³ Развлекательный центр, где проводятся азартные игры (в частности «Бинго»).

– Нет. Я пришел узнать, что хочешь ты.

– Я тебе уже говорила. Остаться здесь с мужем. И прежде чем ты хоть что-то скажешь, – добавляет она, заметив в его глазах вопрос, – хочу тебя предупредить, что у меня нет желания говорить на эту тему.

– Понимаю. А как же Альваро Труэба?

Она думает очень долго – по ощущениям так недели полторы. Затем подносит ко рту стакан, словно собираясь залить свою беспокойную совесть. Только вот в стакане у нее кока-кола лайт, так что как в кино вряд ли получится.

– Это не моя проблема. Мальчик мертв, и этого не изменить.

– А тот, кто его убил, гуляет на свободе.

– Возможно, мы больше никогда не услышим об этом преступнике.

Джон громко шмыгает носом и отводит взгляд в сторону.

– Что ж, ладно, раз ты так думаешь...

Он достает из кармана пиджака фотографию. Кладет на стойку. На снимке крашеная блондинка с большими кариими глазами и выдающимися скулами. Лет тридцати с небольшим. Обычная внешность выпускницы университета, которая находится в начале своего карьерного пути и уже добилась определенного успеха. В камеру она не смотрит, и при этом в ее улыбке сквозит некая сдержанная робость. Чувствуется также и душевная теплота, правда, еще более сдержанная.

Антония сразу понимает, что где-то уже ее видела. И тут же вспоминает, где именно. В глянцевоm журнале, на который она как-то наткнулась, гуляя по больнице. Женщина верхом на лошади, светлые брюки, сосредоточенное лицо.

— Это та, о ком я думаю?

— Карла Ортис, — тихо подтверждает Джон, убедившись, что официант отошел к другому концу барной стойки и уставился в телевизор, по которому идет футбольный матч. — Наследница самого богатого человека на свете.

Антония несколько раз моргает, переваривая информацию. А затем издает тяжелый вздох, словно пытаясь выдохнуть из себя все свое чувство обреченности.

— Ее... ее нашли?

— Нет. Нам известно, что она пропала вместе со своим водителем и любимой лошаdью. Вчера днем она выехала на машине из Ла-Коруньи по направлению к Мадриду и так и не доехала.

— Может, она попала в аварию.

— Ее отец получил звонок от похитителя сегодня рано утром.

В глазах Антонии начинают двигаться крупнотоннажные грузовики. Джону уже знаком этот взгляд. И он терпеливо ждет.

— Возможно, это наш индивид.

Она не сказала «тот же самый», думает Джон. Она сказала «наш». Тот, которого подкинула нам чертова судьба.

Вот ехал бы я сейчас обратно в Бильбао, и по хрен на все.

Ему уже не нужно задавать ей вопрос, но он все равно его задает.

А Антония Скотт дает ему единственно возможный ответ.

Часть вторая

Карла

*Ложь завоевывает пространство,
и городским мелким рыбешкам
становится сложно увидеть хоть что-то
сквозь замутненные стекла аквариумов.*

Хоакин Сабина / Панчо Варона

1

Затруднение

– Нам нужно обдумать, как лучше приступить к делу, – говорит Ментор.

Он назначил им встречу на площади Парижа, в скверах около здания Верховного Суда. От скверов тут осталось одно название: кроме четырех кое-как высаженных живых изгородей, здесь торчат исключительно камни. Ментор ждал их на скамейке у фонаря. Уже давно стемнело, и на площади кроме них только один мужчина с собакой, беспрестанно обнюхивающей землю.

– А что тут обдумывать? – удивляется Джон. – Мы поднимемся, поговорим с ним и приступим к работе.

– Боюсь, что тут могут возникнуть некоторые затруднения.

– Там будет кто-то еще, – говорит Антония.

И это не вопрос.

Ментор удрученно разводит руками.

– Сеньор Ортис позвонил одному нашему человеку, а этот человек позвонил нам. Но его адвокат занервничал и заразил его своей нервозностью. Так что люди из ОБПВ сейчас там, а нервничаю теперь я.

Отдел по борьбе с похищениями и вымогательствами национальной полиции, думает Джон, чувствуя при этом укол зависти. Элитное подразделение. Крутые парни, профессионалы.

– И что теперь? Пусть сами во всем разбираются, а мы пойдем домой?

– Мы будем работать так же, как работали раньше, еще до вас, инспектор Гутьеррес. Вы будете стоять в сторонке и не мешать. И держать рот на замке.

– В каком смысле? – с недовольством в голосе спрашивает Джон.

– В том смысле, что про другой, предыдущий, случай мы ничего не знаем, – поясняет ему Антония.

То есть типа убийства мальчика в Ла-Финке просто-напросто не было. Ну а что, почему бы подразделению, созданному для борьбы с конкуренцией и утаиванием информации между разными отделами полиции, не пойти старым

путем.

– Нет никакого другого случая. Этот случай – единственный, – подтверждает Ментор, делая ударение на слове *единственный*. – Понятно?

Антония кивает, и Джон нехотя следует ее примеру. Если их подозрения подтвердятся и за исчезновением Карлы Ортис и убийством мальчика действительно стоит один и тот же человек, им придется играть по установленным правилам.

– Вы не пойдете с нами? – спрашивает он Ментора.

– Мне нужно сделать пару звонков. Будьте осторожны и не болтайте лишнего. А да, кстати, Скотт...

Антония смотрит на него.

– ...я рад, что ты вернулась.

Антония отворачивается, не ответив ни слова. Когда она отходит, Ментор протягивает Джону крошечную металлическую коробочку.

– Что это? – спрашивает Джон, потряхивая ею в воздухе. – Звучит как маракас.

– Возьмите с собой. Это для нее.

– Таблетки? И когда я должен их ей выдавать?

Ментор подмигивает ему.

– Когда она попросит.

Квартира находится в паре минут ходьбы, на улице Генерала Кастаньоса. Верхний этаж, тысяча квадратных метров, отделанных по высшему стандарту архитекторами студии

Энрике Баррера¹⁴. Роскошная и уютная гостиная. И Джону даже не нужно подниматься, чтобы все это увидеть, достаточно щелкнуть пару раз в поисковике на телефоне, пока они стоят внизу у домофона и ждут, что им откроют. Некоторые фотографии размещены на сайте известного гламурного журнала. А остальные – в «Инстаграме» Карлы Ортис.

¹⁴ Современный испанский архитектор и дизайнер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.